

Universiteit
Leiden
The Netherlands

Security Realignment in Central Asia: The SCO RATS' Unused Potential. To what degree has the SCO RATS provided opportunities for security realignment in Central Asia over the last decade?

Schramm, Saskia

Citation

Schramm, S. (2023). *Security Realignment in Central Asia: The SCO RATS' Unused Potential.: To what degree has the SCO RATS provided opportunities for security realignment in Central Asia over the last decade?.*

Version: Not Applicable (or Unknown)

License: [License to inclusion and publication of a Bachelor or Master Thesis, 2023](#)

Downloaded from: <https://hdl.handle.net/1887/3641034>

Note: To cite this publication please use the final published version (if applicable).

Saskia Schramm

Master Thesis

Russian and Eurasian Studies

Supervisor: Dr I.M Scarborough

21989 words

Security Realignment in Central Asia: The SCO RATS' Unused Potential.

*To what degree has the SCO RATS provided opportunities for security
realignment in Central Asia over the last decade?*

Table of Contents

LIST OF ABBREVIATIONS	3
ABSTRACT	4
INTRODUCTION.....	5
METHODOLOGY	8
LITERATURE REVIEW	12
CHAPTER 1: CENTRAL ASIA AND SCO RATS - BACKGROUND AND DEFINITIONS.....	19
CHAPTER 2: CENTRAL ASIAN SECURITY - THE SECURITY SITUATION IN 2013 AND 2022.....	24
<i>SECURITY CONCERNS IN 2013 AND 2022.....</i>	<i>26</i>
POLITICAL AND MILITARY COOPERATION IN 2013 AND 2022.....	30
INTELLIGENCE SHARING IN 2013 AND 2022.....	42
THE ECONOMIC DIMENSION	44
CHAPTER 3: REGIONAL SECURITY POSITIONING – ANALYSING CENTRAL ASIAN PRESIDENTIAL SPEECHES	46
KAZAKHSTAN	48
KYRGYZSTAN	48
TAJIKISTAN	49
UZBEKISTAN	50
INTERPRETATION	51
ANALYSIS AND CONCLUSION - INACTION AND OVERSIZED VOCABULARY.....	53
REFERENCE LIST	57
APPENDIX	71

List of Abbreviations

BRI	Belt and Road Initiative
BY	Belarus
CA	Central Asia
CARICC	Central Asian Regional Information and Coordination Centre
CIS	Commonwealth of Independent States
CSTO	Collective Security Treaty Organisation
EU	European Union
IJU	Islamic Jihad Union
IS-KP	Islamic State – Khorasan Province
ISAF	(NATO-led) International Security Assistance Forces
IT	Italy
KG	Kyrgyzstan
KZ	Kazakhstan
LT	Lithuania
MN	Mongolia
NATO	North Atlantic Treaty Organisation
PK	Pakistan
PRC	People's Republic of China
RSC	Regional Security Complex
RSCT	Regional Security Complex Theory
RU	Russia
SCO	Shanghai Cooperation Organisation
SCO RATS	Shanghai Cooperation Organisation Regional Anti-Terrorist Structure
TJ	Tajikistan
TR	Turkey
UA	Ukraine
UK	United Kingdom
UNODC	UN Office of Drugs and Crime
US	United States

Abstract

In light of the absence of Russian and Chinese responses to security related events in Central Asia, the security question of the region has gotten new attention. During mass unrests in 2022 in autonomous regions in Tajikistan and Uzbekistan, the two big, self-proclaimed security actors of the region presented a deafening silence and did not intervene. This bared the question about Central Asian security and a potential realignment in security. This paper investigates the extent to which the Shanghai Cooperation Organisation Regional Anti-Terrorist Structure (SCO RATS) has facilitated security realignment in Central Asia over the past decade. Employing a combination of the Regional Security Complex Theory with institutional liberalism, the study utilizes comparative historical analysis and content analysis to examine the evolving Central Asian security situation in 2013 and 2022. It specifically evaluates the degree to which the SCO RATS, designed for military exercise and intelligence on terrorism sharing, has influenced the security realignment. The findings have confirmed a clear security alignment and furthermore suggested a shift in focus and actors. In comparison to 2013, Russia's and its organisations position as a security guarantor has significantly weakened in 2022. However, Russia's weakening did not lead to a clear shift of Central Asian states security politics towards China or its security organisations. Instead, Central Asia has embraced a more multilateral security strategy, emphasizing collaborative efforts through joint bilateral exercises and interregional links, instead of relying on a singular outside actor like it did in 2013. Despite its objectives, the SCO RATS has not provided China or SCO itself with a definitive mechanism to reorient the region towards China's security orbit. This research contributes to a comprehensive understanding of the security dynamics in Central Asia of the last decade and the role played by the SCO RATS. By highlighting the region's interconnectedness in various aspects of security and the security issues the region is facing, it underscores the need for exploration of the factors influencing security realignment and the region's security politics to gain an understanding about the past and more important – the future of Central Asian security.

Introduction

Central Asia (CA) has been a region torn by border conflicts, civil unrests, inter-ethnic violence and political revolutions. The Central Asian states Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan (Turkmenistan is excluded from this analysis, as it is not a member of SCO RATS) – are facing significant security issues internally but also across their borders and have been the arena for strategic competition of regional powers (Afzal 2006, 72). The CA security landscape over the past decades has been tense, as the lingering threat of terrorism and violence over-spill from the neighbouring Afghanistan but also Tajikistan and Uzbekistan have concerned the region and regional powers – Russia and China. Furthermore, simmering border conflicts between Kyrgyzstan and Tajikistan have gotten new strength and unravelled in 2022. Other conflicts in 2022 included civil unrests in January 2022 in Kazakhstan which led to 238 deaths, unrests in July 2022 in the autonomous republic Karakalpakstan in Uzbekistan leading to 21 official deaths and long-simmering conflicts in Tajikistan (Jones and Rakhimshoeva 2022). The government of Tajikistan has conducted large-scale and bloody raids in Khorog, the capital of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region on the Pamiris, an ethnic minority, over the span of 2021 and 2022, undermining human rights and veiling the raids behind counter-terrorism measures (minority rights group international 2023; 2022; Krivosheev 2022a).

Russia, a regional power and former security hegemon, while being rather quick to respond to the unrests in January in Kazakhstan and sending in CSTO troops, was hesitant to support the governments in the other instances or specifically were asked to not intervene. The regional multilateral China-led SCO, hosting most of the Eurasian countries (Alimov 2017), was equally reluctant to intervene in these events, especially during the Kyrgyz-Tajik border clashes of 2022. The deafening silence of both China- and Russia-led regional security organisations present in CA on security related events and unrests has once again brought up the question of regional security. The absence of SCO actions on those security matters reveals how the SCO seemingly is limited to promoting only one party's security interests – namely China's interest in supporting regimes in the region willing to follow China's path of suppressing the Uyghur minority and promoting economic collaboration through the Belt and Road Initiative (Doolotkeldieva and Marat 2022). With China's egoistical stance on the security situation, Russia's stance also can be questioned – and that for good reason. Now with Russia being fully engaged in the full-scale military invasion of Ukraine from February 2022 onwards,

Russia's influence in the region is continuously diminishing. This leads to the question of how CA and perhaps overarching regional powers might realign their security politics to guarantee stability in the region. To answer that, it is imminent to look back in history and evaluate the security realignment efforts made in the past – in 2013- and recently in 2022. Additionally, a look on past security politics could show potential or preferred *modus operandi* of the region's government in their security pursuits and allow some speculations on future actions.

The issue of security in CA has alerted the 'great powers' of the region - Russia and China and both actors have acknowledged the complexity and interconnectedness of the security issues of Central Asia. This falls in line with Buzan and Wæver's Regional Security Complex Theory (RSCT), in which the aforementioned interconnectedness of security factors and interactions between actors motivated by regional characters, shaping the security and the need for consideration of regional dynamics is stressed (Buzan and Wæver 2003, 40–82). However, in current international politics, singular countries are rarely actors – the acting parties are usually multilateral organisations, which is why this paper will apply the theory of institutional liberalism to the theoretical framing to gain a better understanding of the security situation and potential realignment in Central Asia. This theory backs the idea of multilateral organisations being key actors in promoting conflict resolution, cooperation and coming to new agreements and alignments, as the bundled resources and influences of those organisations have great leverage. Multilateral organisations often serve as platforms for negotiations, dialogues, collective decision-making among member-states and, most importantly for this paper, also foster peace and stability (Griffiths 2014, 203–6). This can be observed in Central Asia, where security politics initially happened under Soviet rule, and after the collapse of the Soviet Union the successor Russia took over the role of a security guarantor for the region. Russia, however, did not remain in that role for long but modified its security political actions to happen through multilateral organisations like the Commonwealth of Independent States (CIS) and the CSTO and for a long time this security order remained by and large unchallenged. However, the Russian-led CIS and CSTO did not remain the only multilateral organisation to meddle in CA and the China-led Shanghai Cooperation Organisation (from now on SCO), or Western-led organisations like NATO have upped their involvement in the region's security politics. While Western-led organisations do impact the region, the main regional powers remain Russia and China. However, as Russian-led

organisations recently have remained silent over various issues as described earlier, the question arises whether the security politics of CA are potentially shifting from being Russia-led or focussed to potentially China-oriented. This leads to the question whether security realignment also happens through certain mechanisms of the SCO, like the Shanghai Cooperation Organisation Regional Anti-Terrorist Structure (from now on SCO RATS). SCO RATS is a body of the SCO set up to deal and aid with exactly the security issues CA is facing – terrorism, extremism and cross-border issues. This bears the question about the degree to which the body is used and the security realignment.

This paper aims to examine the potential security realignment in CA by answering the research question **“To what degree has the SCO RATS provided opportunities for security realignment in Central Asia over the last decade?”**. To provide a sophisticated answer to this question, first the existing literature about this topic will be examined to provide grounds and a justification for this paper. The literature review is going to provide an insight about the academic discourse on the SCO, SCO RATS and the related security politics. The research gap highlighted by the literature review, namely the lack of research on potential security realignment in CA through SCO RATS and a lack of coverage of the SCO RATS in academia, provides justification for the research. As the literature review will highlight, a research gap about the SCO RATS and its influence on security realignment in CA, this paper aims to fill the gap and provide an outlook on the matter. To answer the research question, the security order will be compared over the span of the last decade, taking snapshots from 2013 and 2022. Chapter 1 of the paper will provide an overview over the mentioned region and the multilateral organisations. Chapter 2 will provide a comparative historical analysis of data on security politics in Central Asia. This analysis will be supplemented with content analysis of the positioning of CA heads of states vis-à-vis security in CA states in chapter 3. This data analysis will be complemented by the using the RSC-theory combined with notions of institutional liberalism to paint a full picture of the security situation in CA. The analysis will be followed by the conclusions and answer to the research question.

Methodology

The Central Asian security approach present interconnectedness of factors such as geographical proximity, similar identities and political dynamics, aligning with Buzan and Wævers Regional Security Complex Theory (RCST). The theory emphasizes the importance of considering regional dynamics and interests as driving forces for actors and understanding the interconnectedness of factors. Applying RCST to Central Asia reveals insights into regional dynamics, motivations, and security politics. It highlights complex interdependencies and regional interests shaping security interactions within the regional security complex (RSC) of Central Asia and provides possibilities to explore the regional interests and dynamics in its security politics. The theory stresses that security interactions are motivated and intense due to CA forming a regional security complex (RSC) in which geographical, economic, societal factors are tightly interconnected and the motivators for all actors are inherently regional in character.

Back in 2003, the authors regarded CA as a weak sub-group of a region (Buzan and Wæver 2003, 423), however the developments in the past 20 years and the current political landscape of the region suggest that it by now can be regarded as a proper RSC region, displaying geographical proximity and the issues of conflict spill-overs arising with it. Moreover, the mix of hetero- and homogeneity in which the countries of the region are displaying similarities due to common roots but simultaneously differ in political systems, ethnic composition and economic development cements the notion of CA being a region. Likewise, the regional identity binds the region, as perceptions, values, norms and historical experiences are shared. And lastly, the displayed attempts of balancing the power in and over the region and the security interdependences forming over the past decades paint a picture of CA fitting into the description of a region according to Buzan and Wævers RSCT (Buzan and Wæver 2003, 40, 397–436). The security factors of the region, consisting of not only military threats, but also political, environmental and societal, are inherently interconnected due to the close proximity in geography, culture and politics of the region. The region, in its own way, forms an entity in which actions of or in one state can significantly impact actions of or in another state – meaning internal conflicts or their subsequent consequences can spill-over, or political decisions in one state can deeply affect another state (Buzan and Wæver 2003). The concept of RSCT helps especially in understanding the notion of power balance and security

interdependence in regional security realignment. The region displays security interdependences in which actions and policies in one state potentially impact the security of other states. These interdependencies have led to the region to form alliances and cooperate on issues such as border conflicts, terrorist activities and cross-border criminality to attempt to secure the security environment. Meanwhile, balance of power in CA has fluctuated over the course of its history and current geopolitical events are hinting at new power shifts.

Security behaviour of CA states is dictated by the powers at play – any shifts can shape security cooperation, conflict potentials and competition. Here, the regional great powers – Russia and China, considered as external actors to the region as they are not included in the geopolitical definition of CA – especially affect the security politics. The RSC-theory acknowledges that even global powers interests are inherently regional, however, it fails to provide a tool for understanding the influence of those on the region and more importantly the trend of multilateral security organisations. The paper will take the RSCTs understandings of regional security being an inherently interconnected but most importantly regional dynamic, however, add the theory of institutional liberalism to apply it to the modern day security situation and the question of security realignment. RSCT suggests that regions are usually centred or at least heavily influenced by great powers (Buzan and Wæver 2003, 397). Back in 2003, Russia was holding the great power status and held power and influence over the region in various aspects, also in the for this paper relevant security aspects. Now however, in light of the rapidly changing geopolitical situation, the influence of Russia as a singular entity has to be questioned. Furthermore, the approach of the regional powers Russia and China has shifted over the years to a ‘political collaboration through organisations’ approach as the governance of the SCO, CSTO and CIS has shown. Therefore, this paper adds the frameworks of institutional liberalism to the RSCT to underline the importance of the multilateral organisations in the region. The theory of institutional liberalism regards multilateral organisations as key factors in cooperation and conflict resolution. Multilateral organisations foster peace and stability by provide platforms for negotiations, collective decision-making among the members states (Griffiths 2014, 203–6), which is a key understanding for answering the research question.

The main goal of this paper is to examine a potential security realignment in CA through answering the research question **“To what degree has the SCO RATS provided opportunities for security realignment in Central Asia over the last decade?”**. To obtain an understanding of security related activities and positionings over the last decade, two snapshots will be taken – analysing security related military activities and presidential speeches in 2013, the year prior to the Russian annexation of Crimea and the resource intense involvement in the Donbas area, and 2022, as it provides a year worth of data making it equal to the 2013 data set. The research will be conducted by using the theoretical framework of the RSCT with the addition of institutional liberalism. The main analysis will be conducted utilising comparative historical analysis (qualitative analysis), in which factual military data on military installations and joint military exercises to create an overview of the stance and actions of security realignment in CA over the given time frames. The results of the qualitative comparative historical analysis will be expanded by content analysis conducted on speeches given by the presidents of the CA countries in 2013 and 2022 mentioned (regional) security. Excerpts from those speeches, containing the relevant mentions about the notion of security and security politics in the region, will be analysed by searching and counting the mentions of notions related to the categories of “security threats”, “actors” and “proposed policies”. The content analysis constituting in itself quantitative, will answer the sub question of the security positionings of the heads of states in the region of CA itself, thereby providing valuable information about the issues and concerns the CA countries have. The analysis will allow to gain an insight on the positioning and changes in framing towards security and the security institutions of the countries. Both data sets - the military and inter-military cooperation data, on the one hand, and the statements by politicians, on the other - will indicate overall security *stances or positioning*, which is an important element of security alignment and an indicator for potential realignment. Both research methods aim at providing grounds to determine developments and potential changes in the rhetoric’s and actions connected to the security in the region of CA and give grounds to hypothesize about security realignment in the region over the last decade.

The research carries a set of limitations. First and foremost, the nature of the data, namely governmental documents – speeches. They provide a one-sided view on the issue described, often portray more of a wished stance rather than reality and of course the bias of

the country's government towards the security situation and the regional affairs. However, parallelly, those types of sources allow great insight into what the government is thinking or imagining about projects making them great sources for data on positioning towards security. The research on the security positioning of CA presidents has limitations as well.

Due to the treatment of data, another issue arises: In the first step of data selection, the speeches were scanned whether they contain the keyword (regional) "security", after, the speeches were shortened to only allow excerpts to be analysed that were dealing with security. Due to this it is possible that some relevant paragraphs were not detected as the keyword was not found. In addition, through this method and the difference in general security positioning, some presidents were mentioning security in more speeches than other. The extreme case here is Kyrgyzstan, where in 2013 the president did not mention the keyword security once, whereby providing no data set to work with. Speeches from the Uzbek president from 2013 are missing as well from the data set, as they were not obtainable. Due to the change in presidential administration, the new administration had little interest in publicly displaying speeches of the predecessor. However, some of the speeches, especially the ones by Kazakh presidents had portions of Kazakh in it, which had to be disregarded. All the quotes from languages other than English have been translated by the author, unless explicitly stated otherwise.

Security politics have always played a major role in geopolitics of CA and the surrounding great powers Russia and China. Especially Russia has been concerned about their regional security, leading to coalition's own initiatives such as the CIS or the CSTO or cooperation with China through the SCO and strategic partnership. In light of the recent geopolitical events – most importantly the full-scale military invasion of Ukraine by the Russian Federation – geopolitics and security politics of the region have attracted the attention of the international political arena. Major security political acts like the full-scale invasion of Ukraine bring up the question what the geopolitical ambitions of the actors, namely parties of the SCO (RATS), involved are. Russia has made their stance of protecting their "near abroad" clear – which brings up the question of what else has been happening in the region and to what degree the SCO RATS has been a vehicle for change. Answering this very question will be the undertaking of the next chapters.

Literature review

To answer the research question, it is useful to inspect the existent literature on the topic to work out common opinions and discourses on the topic. The literature selected deals with the perception of the SCO, SCO RATS and with the potentials of it for security realignment in CA and aims to provide an overview over the discourse present on the topic in academia. A portion of the literature review is dedicated to the explanation of the different discourses (schools of thoughts) relating to the SCO's security politics. The literature review exhibited the lack of coverage on the topics of the SCO RATS, its role in security realignment of CA, especially in current events, and their potential outcomes. The nature of academia results in discussions of impacts and influences of current events taking time to be dealt with, however, this lays the basis and justification of this paper, as it attempts to forecast developments and tries to shed light on the current political developments and their impacts on the security situation in CA. The research paper is highly relevant in light of the geopolitical events of the past years, as security always has been threatened by internal and external threats, however the states in the past always had the opportunity, perhaps the necessity, to rely on Russia as a security guarantee and a sort of peacekeeper of the region. However, with Russia's continuing full-scale military invasion of Ukraine in 2022, its influence in CA security seems to dwindle. This ultimately might lead to the CA countries being forced to reorient themselves towards new security politics, in which Russia's role will be diminished in comparison to the past centuries. But ultimately, to understand the future of CA security politics and the direction of realignment, it is eminent to understand the past. Scholars initially paid great attention to the SCO when it was only recently established, however lately, as of 2020-ish, not many have been discussing the SCO and the growing role it has, as has been determined through the literature review research. A similar trend goes for the SCO RATS, that has fallen under the radar of many scholars these days. However, there certainly are academic opinions on the SCO and its body, which will be discussed in the following.

The Western view - The SCO as a tool to (regional) hegemony

The members of the SCO pursue the desire of counteracting the threats of terrorism, extremism and separatism through growing engagement of the SCO with countries in their neighbourhood, providing relationship possibilities, but also providing solutions to regional conflicts such as the India-Pakistan border conflict (Norling and Swanström 2007, 431; Aslam

and Saeed 2022, 399). Norling and Swanström argue that the growing cooperation between the SCO and the CA states is a complot of regional cooperation – however only indicating the SCO's ambitions to become a regional hegemon. The SCO is more than a geo-political entity, it also entails trade relations and serves to strengthen the naturally existing bilateral connections in the regions as the countries are bordering each other, allowing the SCO to establish regional power and security through economic and military cooperation and establish themselves as a hegemon (Norling and Swanström 2007, 442). Similar to Norling and Swanström, Grajewski, Akbarzadeh and Lanteigne view the SCO as an emerging security cooperation in the region (Grajewski 2022, 164; Akbarzadeh 2015, 88; Lanteigne 2018, 119). This ties into the IR theory of institutional liberalism, in which multilateral organisations are the platforms to foster cooperation and conflict resolution, which ultimately enable fruitful regional security politics.

Other authors do not acknowledge the ambitions of the member states of the SCO of becoming a counterbalance to the (once) US hegemony in the region, but rather focusses on the SCO being an entity used by its founders and members to establish a purely regional hegemony. The regional power aspect here is often highlighted. The is a SCO RATS regional power entity, providing stability to the region with the end goal to stabilize the neighbouring countries (Lanteigne 2006; Puri 2017; Aslam and Saeed 2022; Malyshev 2022; Khizar and Ahmad 2021; Krivosheev 2022b; Brummer 2007). Malyshev, similar to Aslaam and Saeed, agrees that the SCO is a big regional multilateral actor, with a perceived role of maintaining the peace in the region (Malyshev 2022). However, Aslaam and Saeed add that the SCO is also capable and on the rise of changing the global order (Aslam and Saeed 2022, 399). They are convinced that China and Russia are aiming at realigning the political climate, at the regional and global level, to look towards the East (Aslam and Saeed 2022, 399). Malyshev showcases the perceived main goal of regional security by the SCO by using the example of Afghanistan. The SCO member states, after the US soldiers have been withdrawn from Afghanistan, have taken up the role of the security providers ensuring stability. This sudden shift away of US attention towards Afghanistan has brought security issues to the region, as the US troops and ISAF were keeping the regime in place and the Taliban away from power. With the sudden retreat, the issue of Afghanistan has virtually disappeared in the US discourse, however remains a pressing security issue in the region as it posed imminent security threats, that now

has been tackled by the SCO members (Khizar and Ahmad 2021). Especially now the threat of terrorism, extremism and drug trafficking into the neighbouring countries significantly increased – the role of the SCO RATS as an intelligence and somewhat security coordinating security structure should get increasingly important and more frequent. This could provide the base for a potential security realignment in Central Asia.

Xiaodong argues that the main goal of the SCO is the strengthening of the relations in the neighbourhood and the cooperation in different aspects, such as economy, culture and politics and furthermore to ensure peace and stability in the region (Xiaodong 2012, 7). However, Xiaodong also adds that the member states of the SCO are eager to establish a new order in the region. Mousavi, in line with the mentioned school of thought, argues that cooperation within the SCO and between member states can be seen as counterbalancing the US and NATO, meaning Western powers. However, he adds that this does not seem to be the intention of the SCO as an organisation. As Mousavi and Khodaei assume and argue, in the global order it is now not nation-states that are the (big) players, but rather organizations such as NATO or ASEAN, using multilateral organisations for regional cooperation, just as described in institutional liberalism. They add that the SCO would have all the chances to counterbalance the US and its hegemony (Mousavi and Khodaei 2013, 186; Saalbach 2023). To elaborate, they point out that the SCO does have several attracting factors pursuing countries in the region (and beyond) to join, shown by the attempts of countries joining the SCO, such as Iran. As big player in global order, China and Russia are members, the SCO has way more to offer than just military security, say Mousavi and Khodaei.

The SCO RATS is positioned by the SCO as a powerful organ and important tool in the fight against terrorism and violence (RATS SCO n.d.; Krivosheev 2022b; Guvvadi 2022). The structure is seen as the most effective organization, as it provides security cooperation, thereby actively bringing the SCO members closer to fulfilling their goal of becoming a regional and later global hegemon counterbalancing the US by positioning themselves as a security provider and stabilizer. An example would be their role after the US left Afghanistan - the member states of the SCO are providing the security now. Furthermore, the SCO gets portrayed as a powerful organization, noticeable as more and more countries want to join and the international playing field is becoming very aware of the SCO and its ambitions (Krivosheev

2022b). As mentioned, this clashed with the CSTO motives in the region and will be discussed later on.

Yuan, publishing in 2010, adds to the discussion of the SCO's long-term goals that to achieve those, the member states need to cooperate on common issues (Yuan 2010), which, according to Toktogulov, Uzbekistan has been doing (Toktogulov 2022). According to Yuan, the SCO, and therefore China as the leading force behind the SCO, has the goal of becoming a regional power, providing prosperity and most importantly security to the region. Much like Mousavi and Khodaei and Xiaodong, he also points out the importance China has on the whole realignment aspect, as China is emerging as a global actor, influencing not only regional but global order (Yuan 2010, 856). China also has been one of the most militarily active members of the SCO. However, overall, despite China's role on a global scale, the main priority of China, according to Yuan, remain the regional prosperity and regional hegemonic power of the SCO structures, of which China is one of the founding figures and an active member (Yuan 2010, 868). As Yuan puts it, although provided the opportunity to stand and counterbalance western security alliances such as NATO, the SCO is resisting and focusing on the regional success, security and hegemony.

The American view

Plater-Zyberk and Monaghan, arguably representing an American lens on the SCO, as their work is published in the Army War College journal, argue that the rhetoric used by SCO member states to describe the SCO's ambitions is opposing the US. However, this happens not only rhetorically, but also physically by conducting joint exercises of the militaries of the member states, creating scenarios in which it is less about the militaries or the exercises itself but about showing off their capabilities (Plater-Zyberk and Monaghan 2014). The authors argue that the RATS SCO is the most effective instrument of the SCO members, which authors of all sorts of school of thought seem to agree upon. Interesting, especially for the relevancy of this paper, is a statement by Plater-Zyberk and Monaghan. They argue back in 2014, when the paper was written, that the 'SCO is something of a mess', thereby agreeing with other the earlier stated schools of thoughts that were thinking similarly, and that only unforeseen events will make the member states move close together and unite them leading to proper political, military and economic integration (Plater-Zyberk and Monaghan 2014). Considering

the current political developments, this tendency must be examined. A focus here should be looking at the opportunities the SCO RATS provides for security reorientation.

The Russian View

Russian publications point out Russian foreign policy plans. In those, Russia concretely wants to establish regional hegemony, also through regional cooperation, utilizing the SCO relations. Especially now, with the full-scale invasion in Ukraine, Russia views the SCO as an entity of like-minded entities, which are important in the current frame of total reorientation (Krivosheev 2022b). Russia, as a major actor in the SCO, has in the recent years re-valued alliances, evaluating that even in the era of multilateralism alliances with “like-minded entities” can be beneficial to achieve policy goals (Locoman 2022, 274). Tarakanova, arguing from a Russian perspective in writing for a Russian paper and having a Russian-centric perspective throughout her article, states that the SCO is securing regional security and portrays great security interest in the region (Tarakanova 2016, 98, 103–4).

The SCO as a last(ing) partner

More recent publications started to take Russia’s foreign policy and its need for reorientation once it noticed its regional hegemony dwindling into account. Shah and Afgun state in their works that Russia definitely was pursuing a multilateral approach, reaching out to neighbouring countries and different parts of the world to enhance their regional power (with the bigger goal of becoming a world hegemon), as Russia’s foreign policy is about multipolar world order, but under Russian conditions (Shah and Afgun 2020, 93). As after the annexation of Crimea and the support of pro-Russian separatists in the East of Ukraine by Russia, the international community condemned Russia’s actions leading to a pivot in Russia’s foreign policy. Russia’s foreign policy has turned away from the West and its allies towards its own neighbourhood, with “like-minded entities” and enhanced cooperation within the SCO and regional organizations to achieve that foreign policy goal – a multilateral global order with Russia as big player (Shah and Afgun 2020, 102). However, the success of those ambitions is ambiguous, especially after the full-scale military invasion of Ukraine destroyed all diplomatic bridges Russia had built in the past decades. This negative attitude of the global political arena towards one of the member states of the SCO could have a negative effect on the SCO itself,

on the SCO and on their potential development – influencing regional security realignment. This theory will be examined in the following chapters.

Beyond geopolitics, the non-security view

A less popular school of thought with less scholars behind it argues that the SCO is mainly for cooperation outside of or beyond security – it is not geopolitically but cyber security related. Flichy de la Neuville suggests the SCO being an umbrella for China to cooperate through it to achieve in particular cybersecurity in the region, and by default to itself. The distinction between geopolitical security and cybersecurity, although existent, for China goes hand-in-hand and regional stability, in its opinion, can be achieved through cybersecurity, making it an achievable aim. However, Flichy de la Neuville adds that many countries, even when almost or actual members of the SCO, are sceptical of China's security and cybersecurity approach (Flichy de la Neuville 2015, 196–97).

Conclusion

From the literature review, it has become apparent that the academia has not engaged a lot in the evaluation of the SCO RATS, its status, security engagement in the region, instead a focus was the SCO vis-à-vis other security institutions and countries. Literature about the SCO and its security politics is somewhat ambiguous in actually establishing a connection of the SCO and security realignment in CA and even more important, literature barely dealt with the SCO RATS implications for regional security. And if covered, the coverage is from the 2000s-2010s, making predictions or descriptions of current issues from that point in time outdated. The different schools of thoughts agreed that the SCO, not even SCO RATS but SCO, portrays a tool for both China and Russia to achieve (regional) hegemony over the region and in security politics. The collected literature agrees that the SCO has the potential to become a tool for the regional powers, including both China and Russia however China is the prime beneficiary of this, to create hegemonic security politics or at least heavily influence CA security politics through the use of the SCO. The schools of thought mainly differ in their perception of the Shanghai Cooperation Organization's global approach. Some authors argue the SCO members, once again focussing on Russia and China, have no goals of becoming a global power and hegemon, some argue the SCO's whole co-operational efforts are geared towards becoming a global hegemon, arguing that the SCO wants to counterbalance the US –

however that point of view was especially prominent in early 2000s publications when the US military was actively present in the regions neighbour Afghanistan and with passing time has become a less prominent narrative. Some authors added that the SCO also stipulates beyond security cooperation – providing a tool for economic, societal and political influence in the region such as in questions of cyber security or economic cooperation for regional prosperity. The pool of available literature, although providing a more or less distinct stance of the authors on the SCO, is clearly missing the aspect and approach to SCO RATS and the evaluation of its possibilities and opportunity, although the organization was established in 2002. The pre-existent literature on the topic of the SCO is sufficient, however, it lacks the modernity in its approach to the SCO's current battles, detailed coverage of the RATS SCO and the question of their influence or provision of opportunities for security realignment in CA. A great part of the literature focussed on the SCO's potential of hegemony, a discussion of whether that hegemony is regional or global. This leaves little space for a discussion about the real activities of the SCO and most importantly RATS and a look at whether security realignment is happening in the region. Barely any literature has examined the SCO RATS, the organ of the SCO to approach exactly the questions of military and security under the guidance of counterterrorism (fighting the Islamic insurgencies in Afghanistan and CA). A timely component can be excluded as an explanation, as the structure has been established as a permanent body of the SCO in 2002 (Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organisation n.d.) – theoretically giving the academic world enough time to approach and deal with SCO RATS and its implications for the region, more specifically the security aspects.

From here the question arises, whether missing academic engagement with the topic perhaps arises from missing detectable progress or success of the Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organisation. This problem presents a gap in the research and this paper takes this opportunity to close it through conducting research on the Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organisation influence on security politics and security realignment in CA. The papers research will aid to close the research gap and provide a modern lens on security realignment in CA and the SCO RATS role and extent of meddling in it. It will provide hard data on SCO and SCO RATS military actions as well as other security politics in the region as well as provide a positioning of the CA presidents to determine

shifts in the security alignment of CA. This will show evidence of the security practices in the region rather than just engaging in speculations about potential capacity.

Chapter 1: Central Asia and SCO RATS - Background and Definitions

To understand security politics and realignment in CA and the degree the SCO RATS had in it, background information about the topic should be provided. First and foremost, Central Asia, the area of focus of this paper needs to be defined, to get an overview over the security situation and potential realignments in the region and to understand the scope of countries involved and mentioned in this paper. When speaking of CA, it refers to the landlocked countries located under Russia, between China and Afghanistan. Usually the notion entails Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan. However, due to the nature of the research, criteria for the CA countries examined to answer the question coincide with their SCO RATS membership. Therefore Turkmenistan is excluded from the analysis, as it is not a SCO RATS member. CA is strategically important due to its geographic position – located in the middle of Eurasia, wedged between the regional and political powers Russia and China. However, not all neighbours are economically and politically strong. Afghanistan, located to CA's left, had several wars and violent conflicts rampaging and to this day constitutes security threats due to the spill overs of Afghan terrorism entailing militant Islamism (extremism), drug and arm trafficking and cross border violence. But not only the neighbours pose issues, the CA countries themselves also face internal issues causing insecurity and instability of the region. These internal issues include violence, such as inter-ethnic conflict or revolutions and a weak statehood, which in combination create a dangerous security vacuum that a multitude of parties is seemingly eager to fill (Hedenskog, Holmquist, and Norberg 2019, 11; Krivosheev 2022a). One of the main actors, at least in the past, **was** the Soviet Union and its successor Russia. The Soviet legacy hampered CA engagement with the international community and the CA chances of entering it. Since their independence in the early 1990s, the CA countries want to overcome this legacy and achieve regional integration, making integration and security a political ideology (Burnashev 2015, 107). CA not only geographically is a separate region, but also according to the RSCT, in which through the interconnectedness of the region in geographic proximity, politics and economics, it is

regarded as a regional security complex in which security actions are regionally motivated and interdependent of each other (Buzan and Wæver 2003).

Russia, eager to remain an influential security figure in the region, has fostered cooperation through the Collective Security Treaty Organisation (CSTO) to enable military and security exchange and cooperation. Russia's CSTO is utilised by Russia to assert regional "droit de regard" – right of access - in its wished spheres of influence by proclaiming itself as a sort of regional gendarme managing conflict and instability that turned violent (Melvin 2022; Frost 2009). However, they do not actually intervene in most security conflicts in the region (Pannier 2022). This influence can be exemplified by the monopoly on arms trade Russia possesses through the CSTO, when in 2013 selling arms to the region (Kucera 2013a). In this, the CSTO is not only managing the security in the region (Melvin 2022; Hedenskog, Holmquist, and Norberg 2019, 43), but also constituting a challenge for the SCO. The SCO, a China-led organization, and CSTO, a Russian-led initiative, are seemingly inherently competing, however actions discussed in chapter 2 show that the SCO and CSTO have been collaborating in their own way with some mandates complementing each other also partly due to their members being part of both initiatives. However, underlying issues and competition remains (Kucera 2013a). Russia's grip on CA security remained strong with joint military exercises and collaboration, while China's security goals seemingly remained to crack down Uyghur movements – in CA the Uyghur exile groups – and concentrate on economic development and cooperation (Kucera 2013a).

China, the other big regional player, often considers itself as a sort of regional power or hegemon. China has been influencing security politics of CA through their own set of available tools. One of the most prominent ones being the Shanghai Cooperation Organisation (SCO). The SCO consists of the CA countries (Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan), Russia, China, India, Iran and Pakistan (Alimov 2017). After being introduced in 2001 and launching its charter in 2002 expounding the principles, structures and forms of operation and most importantly the integration into international law (Department of Legal Affairs India 2021), the successor of the Shanghai Five has established itself as a powerful organisation that acts through multilateral cooperation upon political, economic, defence and international security interests of its member states – the most prominent and powerful being China

followed by Russia. The SCO, due to its member states currently, is the world's largest regional organisation as it covers roughly 60% of Eurasia, entailing 40% of the world's population and more than 30% of the global GDP. Through cooperation within the SCO, China and Russia are enabled to cooperate to achieve the above mentioned goals in military, economic, political and security issues. The SCO has been viewed as a mechanism to uphold the Chinese and Russian regime's governance, as both regimes use the SCO to deepen and uphold power, status, positions and hierarchies both in their region and in the global political order (Flikke 2016, 162–63; Clarke 2008, 126; Sun 2021; Kim and Blank 2013, 775; Qamar Fatima and Sumera Zafar 2014, 651). The multilateral cooperation of the SCO with other organisations is showcased by relations with the United Nations in 2004, the Commonwealth of Independent States in 2005, the Association of Southeast Asian Nations in 2005, the United Nations Educational Scientific and Cultural Organisation in 2018 and others (Department of Legal Affairs India 2021; Kissenkoetter, Knaute, and Rizk 2012, 7). This presents a clear cut case of the methodological framework in action, where the regional actors cooperate, as their issues are interconnected regionally however through multilateral regional organisations as those have the resources to foster such (security) cooperation. Since its establishment, the SCO has created a political and legal framework to fight the “three devils” and “isms” of the region – separatism, terrorism and extremism (Kissenkoetter, Knaute, and Rizk 2012, 4). The SCO is primarily a Chinese-led project aimed at promoting its interests, particularly in its immediate neighbourhood. It serves as a means for addressing security challenges, such as terrorism and trafficking, which often originate from neighbouring countries. The SCO's military exercises, which aim to stabilize the region and enhance security, are primarily conducted by a dedicated body known as the SCO RATS. This organ is specifically responsible for implementing the SCO's counter-terrorism strategies.

Since its establishment in 2004, the SCO RATS, headquartered in Tashkent, has been set up as a mechanism of intelligence sharing in the region to battle cross-border Islamic terrorist activities. The SCO RATS is one of two permanent bodies of the SCO, established with the aim and main purpose of strengthening its ability to combat separatism, terrorism and extremism. CA is faced with terrorists and insurgencies that are working against the integrities of the SCO and RATS member states Uzbekistan and Tajikistan and find shelter in Afghanistan (Guvvadi 2022). In theory, the SCO RATS is a well-suited organ providing the members with all

the necessary tools like intelligence exchange and coordination of operations, to engage in anti-terrorism operations and politics, counteracting the threats posed to their security, especially the CA countries. To achieve this, the SCO RATS is said to promote cooperation of the SCO member states to tackle the previously mentioned threats in the region (United Nations n.d.; Interpol 2014, 2). Furthermore, an objective of the SCO RATS, next to fighting terrorism, is also to create a legal, regulatory and practical organisational framework to ensure effective cooperation between the SCO and SCO RATS member states. Next to that, the SCO RATS also aims to integrate legal acts into the legislations of the member nations to ensure an effective battle of the security issues. The SCO RATS is tasked with maintaining a databank and facilitate the exchange of information and intelligence between member states on terrorist activities of individuals and organisations to ensure the abetting of terrorism (Guvvadi 2022; Interpol 2014). Next to the data exchange facilitation and provision of technical assistance and training to its member states to enhance the counter-terrorism capacities and capabilities, the SCO RATS also has practical mechanisms for the fight against terrorism in which the member states partake – joint annual anti-terrorist exercises, anti-terrorist structures, cooperation between competent bodies and border services. The SCO RATS took it upon to deal with and prosecute drug and arms smuggling, as that is the main source of funding for the terrorists in the region, aiming at extinguishing the threat of terrorism at the root (Guvvadi 2022). The SCO RATS also over the years has established cooperation with other multilateral organisations such as Interpol, the United Nations Counter-Terrorism Committee Executive Directorate and others in the fields of terrorism and extremism (Interpol 2014; Guvvadi 2022). In addition, the SCO-RATS annually hosts conferences to increase and further international cooperation on the fight against terrorism (Guvvadi 2022). And although the public coverage on RATS is minor, the organisation had successes in its coordination efforts allowing the SCO to avert 650 crimes with terrorist intents, defuse 440 training camps, counteract 20 terrorist attacks, and identify and detain 1700 members of terrorist organisations in the span between 2011 and 2015 (Saalbach 2023, 6; Alimov 2017).

While many operations of the SCO RATS did not have public records or reports made about them, the actions of the SCO RATS are seemingly meager to the potential it carries. In 2013, it seemed like cooperation of the countries through SCO RATS was not optimal as the member states had trust issues and suspicions towards their neighbors – fellow participants

and exchange partners. With this, governments kept looking for other means of intelligence exchange through bilateral or ad hoc operations (Cabestan 2013, 431). The SCO RATS is a specialized body within the framework of the Shanghai Cooperation Organization, however, as stressed by the organization itself, does not constitute a military bloc and exclusively facilitates regional cooperation in countering terrorism, separatism, and extremism and illegal trans-national activities related to that among the SCO member states own domestic security agencies (Weitz 2012; Kissenkoetter, Knaute, and Rizk 2012, 8). In October 2022, SCO RATS was an observer in a joint anti-terror exercise in Manesar, India (The Economist Times 2022). In the same month, the SCO RATS had coordinated a joint venture by member countries of SCO RATS to counter terrorist threats from Afghanistan. The meeting itself was hosted in October 2022 in New Delhi, India, speculation about a military exercise “Solidarity 2023” taking place in China (The Hindu 2022). Similarly, in October 2022, a collaboration and partnership between UNRCCA, UNOCT and RATS was developed, which focused on the training of information analysis, threat environment, international legal framework of Passenger recording (UNRCCA 2022). However, the described events seem like instances of publicly displayed actions, rather than methodological deep-reaching collaboration in security questions.

The SCO RATS, next to praise, also faced criticism. As China dictates the definitions of the frameworks in which the RATS operates, and clearly has a focus on the Uyghur suppression, the other member states have their differing opinions on the use of the SCO RATS resources (Weitz 2012; Immigration and Refugee Board of Canada 2015; Kissenkoetter, Knaute, and Rizk 2012). In addition to simply strengthening good neighborly relations and mutual confidence among the SCO members, the SCO was also founded to achieve and strengthen economic cooperation and seemingly the most important – enhance security in CA, all under the umbrella of the SCO (Immigration and Refugee Board of Canada 2015). However, a white paper by Human Rights in China claimed in 2011, that the SCO counter-terrorism framework was utilized as a mean for control over ethnic groups and vulnerable targets. In essence: the SCO seemingly worries more about border security than the protection of human rights it initially pledged to do (Immigration and Refugee Board of Canada 2015).

Information gathering about the SCO RATS poses itself as a challenge. Upon analysis of the official website of the SCO RATS, the following findings were made. As of May 2022, the website does not keep public archives of its articles, making backtracking to 2013 completely impossible and backtracking to 2022 only up until August 2022. Even with that, none of the analysis or commentaries were dealing with CA (RATS SCO n.d.). Interestingly, the focus of the articles on the website lies on terrorism in Afghanistan, Iraq, Africa, Pakistan and Syria, all hubs of terrorism, separatism and extremism, however some of the countries examined are not even member countries of the SCO or SCO RATS. The SCO RATS has not been discussed in a meaningful way by Western academics. There is virtually no coverage of SCO RATS actions in CA or prospective of cooperation of CA countries within the SCO RATS. This leads to the conclusion, that the structure, although sounding handy and enriching in practice, has not been exploited by its own members – CA countries.

Chapter 2: Central Asian security - The security situation in 2013 and 2022

To establish whether security realignment has been taking place or is strived for by the Central Asian states, an analysis of the security situation in those has to be conducted. The following comparative historical analysis of security cooperation in the area will provide data to conclude answers to the overarching research question about the security realignment in the region and the degree of SCO RATS in it.

There are various factors indicative of potential security realignment in Central Asia and often they are intertwined and interrelated.

1. Security concerns: In order for (changes in) security politics to be necessary, concerns about security or threats to the security must appear. The threats to security can be external, radiating into the region, or internal like civil unrests or ethnic conflicts. Threats to security and stability of the region are motivators and indicators for security realignment in CA politics. This factor aligns with the RSCT's idea of security politics being

motivated by regional issues – such as regional security. The members of RSC's are due their interconnectedness highly encouraged but also forced to cooperate as their security is interdependent. The regional security concerns can and shall be tackled by the RSC cooperating (Buzan and Wæver 2003).

2. Political and Military Cooperation: According to the methodological framework of this paper, in which the RSCT is combined with the theory of institutional liberalism, the factors that shape the security politics of CA are interconnected often going back to political and societal commonalities and differences and geographical proximity. Multilateral organisations, according to institutional liberalism, have the resources and capabilities to solve conflicts and enhance cooperation. Therefore, an analysis of political and military cooperation will be helpful to determine potential security realignments in the region. As previously mentioned, indicative of security realignment are bilateral or multilateral agreements, alliance building and partnerships in which the region and potentially other actors aim to address common security concerns (such as terrorism, extremism and drug trafficking) and enhance cooperation to achieve this. Given the research question of this paper, the military cooperation component plays a major role, where changes in troops, deployment or frequency of military exercises are indicative of security realignment. The resulting military and defence cooperation among CA countries, regional organisations and potentially external actors can strengthen the capacities of countries to counteract challenges to the regional security. Often political cooperation also entails security cooperation, as most political cooperation usually is concerned about geopolitics, which hitherto due to the unstable security situation in CA is concerned with establishing security.
3. Intelligence sharing: Intelligence sharing globally has provided useful in the fight against terrorism, extremism and other issues like drug trafficking and cross-border criminality. Sharing data on individuals and collectives amongst each other to hinder violent attacks seems to be the ideal tool in a region which is battling exactly the issues that can be solved by intelligence sharing and coordination of cooperation. The SCO RATS, with its primary task of intelligence gathering and sharing and coordination of operations, seemingly fits the issue as a potential tool to use. The upcoming analysis will evaluate this.

Security Concerns in 2013 and 2022

Security concerns in 2013

In 2013 and 2022, CA was facing various security challenges, including terrorism, extremism, drug trafficking, and border disputes. The following analysis confirms Buzan and Wævers RSCT aspect of regional motivators for security actions. The state borders of the CA have been the scene of cross-border crimes such as terrorist activities, drug and arms trafficking, border conflicts. Likewise, the close geographical proximity of the region to Afghanistan, a conflict torn country, has contributed to the security politics of the region.

War and Terrorism

The Afghanistan war, going on since 2001, was stipulating a major security issue for CA countries, especially the ones bordering Afghanistan – Uzbekistan and Tajikistan. As the ongoing war and insurgence of the Taliban was emanating threats of terrorism coming from Afghanistan and affecting the neighbouring countries, the CA countries supported the US-led counterterrorism operations (Afzal 2006, 69). The Taliban and other militant groups established safe havens in the often very hard to reach and monitor desert or mountainous border regions, launching cross-border attacks. Attacks like those stipulated suicide bombings, kidnapping, assassinations and violence against security forces, government officials or civilians and were heavily undermining the security in the region, primarily in the border regions. The Afghan war, next to being an active threat to security through terrorist insurgencies and their actions, also had major geopolitical (and economic) implications for CA. Especially, once the Western troops refocussed their attention and resources on the violent conflict in Afghanistan, their influence in CA dwindled, leading to a power vacuum that the regional powers China and Russia were eager to fill to increase their influence in the region (Norberg 2014, 6).

The Taliban also have been operating close to the Tajik border in the Badakshan province, around 30-40 km from the Tajik-Afghan border, where training camps for the fighters have been established and after two military operations in March 2013 the Taliban proclaimed themselves to be the main force in northern Afghanistan (Norberg 2014, 39). Yet, terrorism in the neighbouring CA has been almost non-existent with no (lethal) terrorist attack being

recorded in CA in 2013 and the terrorist groups in 2013 only possessing an estimate of 3.000 fighters (Lemon 2018, 3).

Drug trafficking

To provide funds for their operations, the Taliban engaged in drug trafficking. This was imposing another major security issue for the regional stability of CA, as it was serving as a transit route for narcotics from Afghanistan either into the area or further to Europe and Russia. Drug trafficking undermines the stability of the region, as corruption and organized crime are flourishing. The CA countries bordering Afghanistan house the 'Northern Route' – a trafficking route for drugs into CA and further. As Afghanistan in 2011 was accounting for 82% of the world's opiates production, the in 2012 estimated 15% of the exports going through the Northern Route, stipulate a considerable number of dangerous substances. However, it is important to note that the numbers and estimates on drug trafficking vary from source to source, differing between the Tajik authorities and international organisations like the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) (Norberg 2014, 6, 40, 48–54).

Border (in)security

Border disputes between CA countries, particularly between Uzbekistan and Kyrgyzstan (Krivosheev 2022a; Doolotkeldieva and Marat 2022), also contributed to regional insecurity. These conflicts often involved ethnic tensions and resulted in occasional outbreaks of violence.

Security Concerns in 2022

War and terrorism

Security concerns in 2022, remained at large similar to the ones from 2013, the overpowering threat being terrorism, especially the export of it into CA and attacks happening there. Although since 2013, Afghanistan's security situation was less concerned with the war itself, Afghanistan continued to be the pressing issue of security concerns of CA. With the Taliban takeover of Afghanistan and the Afghan government after the sudden retreat of US and international troops in 2022, the security situation tensed. The member states of the SCO and RATS have witnessed with worries how attacks of the IS-KP on the population and especially minorities, women and children and the quick takeover of the Taliban showcased

the growing threat of terrorism (Guvvadi 2022). The IS-KP is challenging the domestic legitimacy of the Taliban, thereby not only forming a threat to the Taliban but a regional security threat. Next to that, the Taliban takeover also lead to increased terrorist attacks in neighboring countries such as, where the IS-KP allegedly has fired rockets from Afghanistan into the territories of Uzbekistan and Tajikistan (Guvvadi 2022).

The general understanding is that in 2022 the general security and border situation in Tajikistan and Uzbekistan has stabilized. There are still active terrorist groups in CA, however according to Counterterrorism experts, CA has not experienced domestic terrorist attacks in 2022 as well as in the three years prior (Pantucci and Soliev 2023). The threats to the overall regional security posed by those jihadi-insurgent groups from Uzbekistan and Tajikistan are minor. The Tajik one, called Jamaat Ansarullah, being an official Taliban affiliate, has conducted terrorist attacks in Tajikistan which were approved by the Taliban and the Islamic Jihad Union (IJU) has carried out minor in the overall picture attacks, however not massively disrupting the stabilized security situation. Even more, the CA terrorist groups members are (partially) operating in Afghanistan – shifting the threat of terrorism away from CA grounds (Guvvadi 2022; Pantucci and Soliev 2023).

Swept under the rug – societal factors

The region of CA has not been experiencing major security threats from outside, mainly the neighbouring Afghanistan. However, it has been experiencing mass civil unrests, which have become far more of an issue than terrorist activities (Pantucci and Soliev 2023). The civil unrests do threaten the security, however, not the physical security but rather the regime security. In accordance with the RSCT's factor of common identity and the societal factors also play a role in regional security, the civil unrests do form a security threat. The societies of the CA states, especially in 2022 started to protest against the politics and economics in the region. Furthermore, terrorism sometimes originates out of rebellion against poor living conditions such as a failing economy or bad political decisions. Often in such cases, the states are used to suppress the protests as it endangers the regime's survival, during this the states often call its own population terrorists and counterattack the unrests.

This happened during the January protests 2022 in Kazakhstan in which the regime called the protestors terrorists and asked for CSTO anti-terrorist intervention, which was granted (Jones and Rakhimshoeva 2022; Krivosheev 2022a; D'Anieri 2022) and during the bloody raids in Gorno-Badakhshan on the Pamiris, an ethnic minority that were veiled behind counter-terrorism measures (minority rights group international 2023; 2022; Krivosheev 2022a). The CSTO intervention in the January Kazakhstan protests in 2022 was a novelty. The organisation responded for virtually the first time in its 30 years existence to a call of a member state and sent troops to the conflict zone. The Kazakh government justified the call by alleging it was in a stand-off with 'thousands of terrorists' that were threatening the country's sovereignty (Pannier 2022, 10). In reality, the protesters were not terrorists but Kazakh civilians protesting against a worsening economic and political situation. The deduction can be made that the call for CSTO help of President Tokayev was not made to defend the country's sovereignty but to defend his position as president. All the more interesting is that the Russian-led CSTO deviated from their agenda and mandate and set a historic precedent of responding to the calls and deploying troops whereby also aiding Tokayev to remain in power (Pannier 2022). This, however, can be called clumsy-counterterrorism at best, as the 'real' terrorism threat like terrorist groups, are not battled but the focus lies on regime survival by suppressing the civil unrests, thus fighting the wrong evil behind the façade of doing the right thing (Lemon 2018).

Over the past years and due to the changing security influences, especially when interventions from the great powers Russia and China were absent, such as during the border Tajik-Kyrgyz clashes or the Karakalpak protests, CA states started forming a new identity. Now more and more, CA citizens refer to themselves as such and view the region as independent from the great powers security politics (CAAN 2023). This ties back into the methodology and the used RSC theory which talks about the many interconnected factors that need to be thought of when concerned about regional security politics, one of those factors being cultural similarity and regional identity, which can heavily motivate for own security politics (CAAN 2023). This was showcased when other civil unrests in the region were settled internally and not through the help of third actors such as the multilateral regional security organisations or the regional powers involvements. When the threats to the regional security in 2022 emerged during the Karakalpak protests in July 2022 or the bloody raids in Khorog, the capital of the

Gorno-Badakhshan Autonomous Region on the Pamiris (minority rights group international 2023; 2022), both Russian-led CSTO and China-led SCO remained silent on the matter and did not deploy help or were asked to not intervene (Doolotkeldieva and Marat 2022). This indicates that multilateral organisations are unwilling to intervene and solve regional issues, especially in 2022 when Russia has its own resource draining military deployment in Ukraine and China is remaining politically neutral. This poses an interesting challenge to the methodological framework and its notion of institutional liberalism, since in theory it would be expected that the regional organisations jump into the breach. Here, perhaps the following factor of the examined regional organisations might pose the answer. All organisations examined, the SCO RATS, SCO and CSTO are all led by the regional hegemons, however not CA states. The RSC-theory explains that CA is its own region with its own interconnected security struggles, while Russia and China are not included in the RSCT definition of the CA region, they are regional powers – however regional powers of the geopolitical region CA. Those two definitions in this case do not overlap and also explain how the notions of institutional liberalism cannot explain the behaviours of the regional multilateral organisations. The SCO RATS and SCO are China-led – meaning led by a power outside of the RSCT definition of the region of CA, similar goes for the CSTO, it is Russia-led. Hence the multilateral organisations are led by the geopolitical regional powers but not the RSCT defined regional actors, they will act according to the regional powers best interest – which in recent terms has been not the immediate securitisation of CA.

Political and Military Cooperation in 2013 and 2022

The political and military cooperation was mostly consistent throughout 2013 and 2022, which is why the section here is merged and outlining deviances. For example, while military installations operated by the Russian Armed Forces remained operational in 2013 and 2022 a deviation was observable in the participation of CA states in military exercises and the number of holdings of those.

In 2013, the CA countries were cooperating with multiple Western organisations such as the NATO, OSCE and Russian-influenced or led organisations like CSTO, CIS and the Chinese-led SCO. Those cooperation's were on security, political and military levels in joint military exercises or intelligence sharing – combining many of the before established potential signs

of security realignment. Cooperation with those actors dates back many years, and changes in frequency or the addition of new actors or frameworks is indicative of security realignment (Afzal 2006, 71). Furthermore, according to Norberg, the level of regional cooperation is not enough to tackle the issues the region is facing, which is why he regards that external powers would play a lead role in the regions developments on all levels – economic, security and political (Norberg 2014, 6).

Organisation	CIS		CSTO		SCO		SCO RATS		CARRIC		OSCE		UNODC		UNRCCA	
Year	2013	2022	2013	2022	2013	2022	2013	2022	2013	2022	2013	2022	2013	2022	2013	2022
Operator	Intergovernmental		Russia		De facto China		China		independent		International		UN		UN	
Uzbekistan	yes	yes	no	no	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes
Kyrgyzstan	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes
Tajikistan	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes
Kazakhstan	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes
Comment	Special military forces: +CIS/ Peace-keeping forces +CIS Border Troops		Special military forces: CSTO Collective Forces						Multilateral organisation established to combat drug trafficking				Work with CARRIC		Diplomacy efforts; information exchange with CIS; SCO, OSCE & others	

Figure 1: CENTRAL ASIAN STATES IN MULTILATERAL ORGANISATIONS IN 2013 AND 2022 (Source: Shakhanova 2017; CARRIC n.d.; Saalbach 2023)

The table shows that participation of CA states in international or regional organisations not only happened, but actually was consistent. With the exception of Uzbekistan, which is not a member of the CSTO, all the other CA countries examined have consistently participated in those regional and international organisations and initiatives. The participation in both Chinese and Russian-led security organisations – the SCO, SCO RATS, and CSTO – shows an attempt at balancing the regional powers while the CA countries pursue multi-vectoral foreign (security) policies. Due to weak statehood and distrust between the CA states, a multilateral approach to security and multi-vector foreign policy, in which regional powers and multilateral organizations are active and are balanced, creates a power balance

between the regional powers and allow a wider variety of potential partnerships (Lemon and Jardine 2021).

In addition to the regional, and external in the case of the US and UN, actors providing collaboration through multilateral organisations, the actions of the actors in the region do have impact on the security situation of CA, as will be elaborated.

International

In 2013, the security threats to the region were eminent. The NATO-led International Security Assistance Forces (ISAF) were international troops deployed in Afghanistan. Next to providing stability and security in the region, the ISAF got their supplies from the Northern Distribution Network. Kyrgyzstan, Kazakhstan, Tajikistan and Uzbekistan cooperated in providing the infrastructure and support for these operations. As the ISAF were preparing to withdraw from Afghanistan, the CA countries were worried (Norberg 2014, 6; Figure 5). The countries were aware that a withdrawal of ISAF would lead to growing security instability in Afghanistan, which would spill over into the neighbouring region – CA. The combination of declining Western presence in the Afghanistan, the growing security threats emanating from that from Afghanistan and the regional weak statehood have led to a security vacuum (Norberg 2014, 6).

US

In 2013, the US, once a stabilizer and strong force in CA, was losing interest after their withdrawal of their troops from their remaining bases in the region (Hedenskog, Holmquist, and Norberg 2019, 35). This is corroborated by the low amount of US-led exercises and cooperation in CA in 2013. Apart from the National Guard State Partnership Program (SPP), which has been established in 1991 and runs until the present, entailing military cooperation including joint training in disaster response, peacekeeping, medical medicine (Stein 2019, 18–19), the region saw only 4 US-led joint exercises in CA in 2013 (Lemon and Jardine 2021, 4).

NATO

The NATO had their North Atlantic Organisation Partnership for Peace (PFP) Program running in 2013, with one of their main tasks being capacity and interoperability building. Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan and Kazakhstan were participating. However the only country establishing a deeper collaboration was Kazakhstan (Stein 2019, 19–20). Furthermore, Kazakhstan established KAZBAT, their own peacekeeping battalion (active 2000-present). Kazakhstan hosted joint tactical peacekeeping exercise “Steppe Eagle” conducted in Kazakhstan under NATO-led command, in which KAZBAT is partaking (Stein 2019, 17–18). Although the program continued in 2022 focusing on the same tasks, the office, previously in CA, was removed and established in back in Europe (Stein 2019, 19–20).

China

China’s position of regional security was firm in 2013. The head of state declared in a speech on regional security in Kazakhstan that China will not seek leadership of regional affairs, nor operate in CA spheres of influence, nor intervene in internal affairs in the region. This seemingly acknowledged Russia’s dominant security provision position and its own marginal role (Oliphant et al. 2015, 38), perhaps focusing on the economic cooperation. The low amount of SCO security actions in 2013 can be rationalized by the Chinese hesitant and careful approach to security pursuits in CA. China’s security related activities have been fostered primarily through the SCO, however also through bilateral and multilateral cooperation (Hedenskog, Holmquist, and Norberg 2019, 43), as the following analysis will show.

SCO (China-led) operation

According to its own definition, the SCO, focusing on counterterrorism cooperation, establishing regional stability and border security, conducted military exercises, efforts to combat drug trafficking and extremism and intelligence sharing. However, only one SCO led military exercise for 2013 has been established: In June, military exercises in Kazakhstan in which troops were training to respond to a terrorist entry into Kazakhstan took place. However, only Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan participated, while the other SCO member states were observing. In addition, the SCO did not reveal the amount of soldiers participating, indicating this could have been a smaller drill, as the SCO shifted their emphasis

on economic cooperation rather than military power to achieve stability (Kucera 2013b). In addition, the SCO's role in Afghanistan – the major security threat for CA – remains largely on paper, as projects have been planned, however no tangible results came out (Kucera 2013c).

China started its People's War on Terrorism in the province Xinjiang in 2014, after which the security situation in CA also caught their eye (Lemon and Jardine 2021, 4). China has taken an interest in the defense of CA, as it is seen as a chance to keep instability from Afghanistan to spill further. China, in 2015, thought of a new strategy, a new path for security development in CA, introducing the Belt and Road Initiative (BRI). In 2022, after the BRI unfolded and got adopted it became apparent that the BRI in general opened a new path for China's security politics vis-à-vis CA. Chinese security politics shifted from a purely economic approach to an economic and security policy approach, called military diplomacy by the head of state (Zanini 2022, 1; Saalbach 2023, 8–10). This was observable through an increase in military exercises conducted with the SCO member states throughout the years like the Peace Mission 2013 in the Ural Mountains and trainings (Weitz 2021, 7), rising weaponry exports and the construction of military infrastructure – all tell-tale signs of increased Chinese military presence in the region (Zanini 2022, 1). Interestingly, in 2013, no joint military exercises of the SCO were conducted on CA grounds, but largely in Russia and in Russia's waters (Weitz 2021, 7).

Russia

CSTO (Russian-led) operations

Similar to SCO, the CSTO are conducting joint military exercises and cooperation programs in the region to enhance regional security. The SCO and CSTO seem to be meant to inherently compete, as both are led by a respective regional power – Russia and China. However, it seems that rather than competing, the SCO and CSTO have been collaborating in their own way. It has been speculated by some academics that during the last decade Russia has given up the “watchdog” position of a security guarantee in the region and has aligned itself with the SCO to strengthen its global position (Shakhanova 2017, 45). While being far from completely aligned, having mostly the same members (Kyrgyzstan, Kazakhstan, Tajikistan and Russia), many mandates have turned out to be complementary. However, underlying issues and competition remains (Kucera 2013a; Shakhanova 2017). Russia's grip on

CA security remains strong with joint military exercises and collaboration, while China's security goals seemingly remain to crack down Uyghur movements – in CA the Uyghur exile groups – and concentrate on economic development and cooperation (Kucera 2013a). In 2013, Russia sold arms through the CSTO to the region and was holding the monopoly on those sales (Kucera 2013a). Nevertheless, the SCO and CSTO both remained similar silent during the violent pogroms and coup in 2010 in Kyrgyzstan and fighting's in the summer of 2012 in Tajikistan, showing an arguably worrisome nonalignment to their pledged goals of security establishment in CA (Kucera 2013a). In general, the CSTO also has increased its actions CA, establishing a Collective Operational reaction Force and separate peace forces. With Russia providing the necessary military training of the personnel from CSTO member countries – around 400 in 2013 (Norberg 2014, 101; Frost 2009). Russia, having two priorities when it came to the policies in CA, namely combating drug trafficking and regional security, in 2013 increased financial support in security questions. For example it provided military aid in form of 1 billion USD to Kyrgyzstan and 200 million USD to Tajikistan in an attempt to increase security performance (Norberg 2014, 100). Overall, in 2013 7 Russia-led military exercises took place (Lemon and Jardine 2021, 7). And Russia, in 2013 operated 11 military installations across CA (Figure 2).

However, this trajectory changed after January 2022. After Kazakhstan, a member of the CSTO faced civil unrests in January 2022 and called for support, roughly 4.000 troops arrived in Kazakhstan to assist in the crackdown of the protests (D'Anieri 2022). This would remain the only intervention of the Russian-led CSTO forces into the CA conflicts escalating in 2022. Shortly after the January intervention, Russia, one of the regional powers and a well-established security provider of the past decades, was forced to withdraw troops from its military points in Kyrgyzstan and other places of its spheres of influence. Due to the full-scale military invasion of Ukraine while Russia needed to redistribute its military means and forces, CA has been experiencing a security vacuum. During the 2022 Kyrgyzstan-Tajikistan border clashes, Russia – the former security guarantee – stayed silent and did not respond militarily by engaging themselves or deploying CSTO troops as Kyrgyzstan also actively discouraged the CSTO to get involved, believing it would support Tajikistan's claims (Melvin 2022; Doolotkeldieva and Marat 2022). Russia's security role in the region is crumbling, as Russia, weakened by the violent conflict in Ukraine, is unable or unwanted to intervene or undermine

conflicts in CA (Melvin 2022). However, Russian Armed Forces have kept all their military installations in CA, continuing to operate them (Figure 2).

Military Installation	Country
Sary Shagan Anti-Ballistic missile testing range	Kazakhstan
Balkash Radar Station	Kazakhstan
The Baikanur Cosmodrome Space Flight Center	Kazakhstan
The 929 th Valery Pavlovich Chkalov State Test Flight Center, Taysoygan	Kazakhstan
Kant Airbase, the Russian 5 th Air Base and 999 th Air Defense Forces Army Base	Kyrgyzstan
Automated Seismic Station#1/Ichkesu	Kyrgyzstan
954 th Anti-Submarine Weapons Test Base of the Russian Navy “Lake”	Kyrgyzstan
338 th Naval Communications Facility “Marevo”/”Prometheus” Station	Kyrgyzstan
17 th Radio-Seismic Laboratory	Kyrgyzstan
The Russian 201 st Military Base	Tajikistan
The “Okno” (“Window”) Optical Electronic System for Space Monitoring	Tajikistan

Figure 2: RUSSIAN-OPERATED MILITARY INSTALLATIONS IN CENTRAL ASIA IN 2013 AND 2022. (All installations operated throughout 2013 and 2022 and are still operating) (Source: Stein 2019; Rogozińska and Ksawery Olech 2020; D’Anieri 2022; Olech 2022; Rondeli Foundation n.d.; Frost 2009)

The number of publicly known military installations per CA country - four installations in Kazakhstan, five installations in Kyrgyzstan and two in Tajikistan - show a strong Russian military presence in the region throughout the years as the installations operated continuously throughout 2013 and 2022. Not only in the moments, but also throughout the years as these military installations have operating for decades. Interestingly, despite Russia’s apparent interest in military presence in the rest of CA, Uzbekistan does not host Russian military installations on their territory. This can be attributed to Uzbekistan not being in the CSTO, neither in 2013 nor in 2022. When Uzbekistan was part in the CSTO, the Karshi-Khanabad Air Base was operated from 2006 to 2012 by Russian armed forces (Blank 2007). Tajikistan, although only having two Russian military installations, is hosting Russia’s largest military presence (technically Ukraine does, however that is involuntary and not in the frameworks of “peaceful” military installations, but a full-scale invasion) (Putz 2022c).

In 2022, Russia’s attention pivoted once again to the military installations, when Russian Defense Minister Shoigu announced an SCO meeting of said military heads that Russia

will increase combat readiness of the Russian forces stationed in CA to battle the persevering security threats radiating from Afghanistan. Although he did not specify what an increased combat readiness entails, it is noteworthy that Russia, though currently being drained by a protracted “military operation”, still allocates attention and perhaps resources to remain present and strong in the region to combat the security issues. These threats and issues, including drug trafficking, terrorism and religious radicalization, have been ongoing for the past two decades (Putz 2022c). However, after the withdrawal of the international troops from Afghanistan in late summer of 2021, the Taliban, a terrorist organization in many definitions, have taken over, leading to even more insecurity in the country itself, which has been radiating into the neighboring CA. In addition to a terrorist group forming a neighboring government, and Al-Qaeda remaining a threat, the CA countries also have been facing the issue of the Islamic State regional branch (IS-KP) devoting their attention and operations into CA, specifically Tajikistan and Uzbekistan (Putz 2022c).

Joint exercises in 2013 and 2022 in Central Asia:

Throughout the years, many joint exercises between various countries and regional and international organisations happened. During 2013, the following occurred, indicating a strong wish for security (Stein 2019). The following list includes only joint exercises conducted on CA grounds. The CA countries, however, have also participated in exercises in countries like Russia, China or Nepal.

Exercise Name	Russia	CSTO	China	SCO RATS	Participants	Led by
Ala-Too Antiterror 2013	yes	yes	no	no	KG, KZ, TJ, RU, UA	CIS Anti-Terrorism Center
Commonwealth Combat 2013	yes	yes	no	no	KG, KZ, TJ, RU	CIS Joint Air Defense System
Dostuk - 2013	yes	no	no	no	RU, KG	Russia
Grom - 2013	yes	yes	no	no	BY, KZ, KG, RU, TJ	CSTO
Joint Border Operation-2013	no	no	yes	yes	PRC, KG	Joint China-Kyrgyz exercise
Steppe Eagle -2013	no	no	no	no	US, UK, KZ, KG, TJ, IT, LT	NATO programme
Stikhiya-2013	yes	yes	no	yes	KZ, KG, RU, TJ	SCO
Kyrgyz-Turkish Joint 2013	no	no	no	no	KG, TR	Bilateral training

Figure 3: JOINT EXERCISES IN 2013 IN CENTRAL ASIA (Source: Stein 2019)

- **Ala-Too Antiterror 2013**, a joint military exercise between Kyrgyzstan, Kazakhstan, Tajikistan, Russia and Ukraine (Uzbekistan not present!) organised within the CIS frameworks Anti-Terrorism Center, aimed at intelligence sharing and capacity building to react to the withdrawal of ISAF from Afghanistan in 2014, and hostage simulations. Furthermore, the training conducted in Bishkek, Kyrgyzstan aimed at improving coordination and information sharing in search operations attempting to identify sabotage-terrorist groups. The exercise also aimed to enhance joint-anti-terrorism efforts in securing transportation and crowded facilities and lastly attendants focussed on training to eliminate armed gangs and addressing the consequences of a terrorist attack using radioactive material. In addition to the parties organising, the Secretary General of INTERPOL and all members of CIS ATP, excluding Uzbekistan, were present (Stein 2019, 24–25; CIS ATC 2013).
- **Combat Commonwealth 2013**, a CIS Joint Air Defense system exercise in which Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Russia participated, while Uzbekistan sent observers. The second phase took place at Sary Shagan in Kazakhstan where around 2,000 personnel used 100 pieces of equipment and 50 aircrafts (Stein 2019, 32).
- **Dostuk-2013**, joint Russia-Kyrgyzstan exercise in June 2013 in Kyrgyzstan, the number of participating soldiers remains unclear, although several troops of differing departments were involved. The operations were aimed at training a village take-over by militants which came from Uzbekistan (Stein 2019, 38).
- **Grom-2013**, joint Belarus-Kazakhstan-Kyrgyzstan-Russia-Tajikistan exercise taking place in two places in Kyrgyzstan during two phases in September 2013. It is a CSTO exercise focussing on joint counternarcotics operation (Stein 2019, 40–41).
- **Joint Border Operation 2013**, a joint exercise between China and Kyrgyzstan conducted on August 11th, 2013 at the Chinese-Kyrgyz border, the Torugart Pass. Goal of the unknown number of participants, was to conduct an exercise in which the smuggling of weapons across the border to execute an attack in China was prevented. In this exercise the SCO

RATS was used tasked with information suppliance. The SCO, Russia and the CA countries, Iran and Pakistan sent observers (Stein 2019, 43).

- **Steppe Eagle 2013**, held in Kazakhstan was a joint military exercise where besides the main participants, US, UK and Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Italy and Lithuania were participating (Uzbekistan did not!). An overwhelming 1500 soldiers out of the 1,680 soldiers participating where Kazakh. The main aim of the exercise was to train peacekeeping operations, patrolling and repelling attacks on checkpoints (Stein 2019, 56).
- **Stikhiya-2013**, describes the joint exercise between Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia and Tajikistan in September 2013 in Kyrgyzstan. Conducted by the SCO included roughly 500 soldiers from each participating countries' Ministry of Emergency Situations. Aim of the exercise was to train disaster response to flooding around the Issykul lake, where the training was taking place. China, Uzbekistan, Afghanistan and Mongolia sent observers to the exercise (Stein 2019, 57).
- A Kyrgyz-Turkish joint exercise happened in 2013 in Kyrgyzstan. The exercise comprising of an unknown number of Turkish and Kyrgyz personal was a counterterrorism exercise, in which a scenario of elimination of terrorists in mountainous terrain was trained (Stein 2019, 65).

Observable from the list above is that the CA countries had great interest throughout 2013 to organise themselves in joint military exercises and also hosting them. Interesting is that Uzbek Armed Forces did not participate in most of them, and if not only sometimes sent observers.

Joint Exercises 2022

Russian forces executed several military exercises in Kyrgyzstan and Tajikistan after the sudden withdrawal of US-led troops from Afghanistan, to respond to the rapidly changing, in fact deteriorating, security situation (D'Anieri 2022). Even Uzbekistan, a formerly rather silent observer, barely participating in joint security exercises, held military drills on its territory (D'Anieri 2022).

While it is certainly important to look at exercises taking place, it is equally as telling to look at exercises that did not take place and the background reasonings.

- **Steppe Eagle:** The Russian Ambassador to Kazakhstan directly meddled in security politics of Kazakhstan, when publicly suggesting the US-led military exercise “Steppe Eagle” should not take place in 2022. He implied that a US-led military exercise would impede Russian-Kazakh security relations (Putz 2022a). And indeed there was no “Steppe Eagle” military exercise in 2022, which however was explained by COVID restrictions and unofficially by Kazakh hostility towards the US after the sudden withdrawal of their troops from Afghanistan (Putz 2022a).
- **Indestructible Brotherhood:** Next to that, Kyrgyzstan very last minute cancelled the CSTO command staff exercises that were due to begin the next day, October 10th 2022. Although no official explanation followed, it can be presumed, as it happened at a height of the border conflict between Kyrgyzstan and Tajikistan, Kyrgyzstan used the cancellation as a way to show their dissatisfaction about missing CSTO support in the border conflict and an unwillingness of public opinion to have Tajik forces in the country. In addition, President Putin shortly before awarded the Tajik president Rahmon an Order of Merit of Fatherland for the strengthening of Russian-Tajik security relations (Putz 2022d).

Exercises that did take place in 2022:

Exercise name	Russia	CSTO	China	SCO RATS	Participants	Led by
Interaction 2022	Yes	Yes	No	No	KZ, KG, TJ, RU	CSTO
Search 2022	Yes	Yes	No	No	KZ, KG, TJ, RU	CSTO
Echelon 2022	Yes	Yes	No	No	KZ, KG, TJ, RU	CSTO
Rubezh 2022/Frontier 2022	Yes	Yes	No	No	BY, KZ, RU, TJ	CSTO
Commonwealth-Anti-Terror 2022	No	No	No	No	TJ, UZ	Joint exercise
Regional Cooperation 2022	No	No	No	No	US, TJ, KZ, UZ, KG, PK, MN	United States

Figure 4: JOINT EXERCISES IN 2022 IN CENTRAL ASIA (Source: Putz 2022d; Bifolchi 2022; Putz 2022b; U. S. Embassy Dushanbe 2022)

- **Interaction 2022, Search 2022 and Echelon 2022** all took place in Kazakhstan in September to October 2022. 6,500 soldiers participated, however not Armenian forces. In addition, to Kyrgyzstan blocking participation, Armenia as well withdrew participation, due to similar reasons as Kyrgyzstan above – border issues in which the CSTO did not intervene. And while Armenia is not part of the CSTO, the withdrawal is indicative of a security realignment at the expense of Russia’s military leadership (Putz 2022d).
- **Rubezh 2022/Frontier 2022**, a CSTO military exercise took place in October 2022 in Tajikistan, addressing the CSTO’s Collective rapid Deployment Forces and the training of those. Kyrgyzstan also cancelled participation in this exercise (Putz 2022d). Armenia as well declined participation in this exercise (Bifulchi 2022).
- **Commonwealth-Anti-Terror 2022**, a joint military exercise between Tajikistan and Uzbekistan in August 2022 in Uzbekistan. The aim of the military exercise was to practice against border violence (Putz 2022b).
- **Regional Cooperation 2022**, a US-led military exercise organized in Dushanbe, Tajikistan in August 2022. Participants include the US, Tajikistan, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Pakistan and Mongolia (U. S. Embassy Dushanbe 2022).

Some annual exercises continue, such as the Regional Cooperation, some do not, such as Steppe Eagle. Also, the number of joint military exercises conducted on CA grounds halved when compared to 2013 – 8 in 2013 and 4 in 2022. However, the fact that Kyrgyzstan cancelled a whole exercise event and refused to participate in others (coincidentally CSTO led), indicated a security realignment at the expense of Russia’s dominant military position. In addition, since the full-scale invasion of Ukraine, public opinion in Kazakhstan has been concerned about CA participation and member ship in the CSTO (RFE/RL’s Kazakh Service 2022).

The absence of SCO-initiated and led trainings in Central Asia

SCO-led exercises did take place, but not on CA grounds, as figure 4 confirms. One of the only publicly known military trainings in which SCO countries participated was “Vostok

2022”, which was organized by Russia and as the name ‘Vostok’ (translated as East) suggests was targeted towards the East. Troops of the members were training maneuvers in Siberia, the Far Eastern Federal District and naval trainings in the Sea of Japan and the Sea of Okhotsk (Noll 2022). A possible explanation for the absence of SCO-led trainings can be, according to Nan, that while Western organized trainings are intended to increase the responsiveness towards critical external security threats from third parties (especially countries), China’s and Russia’s motivator for these trainings are internal concerns. In addition, the trainings often have a more symbolic value (Nan 2022). Furthermore, China prefers a partnership approach with its allies in which often economics are used as the predominant security mechanism such as the Belt and Road Initiative. Through economic partnership to foster security and their non-interference approach, especially in CA – the absence of SCO-led, ergo China-led military trainings on CA grounds can be explained (Nan 2022). The SCO leaders have multiple times proclaimed that the SCO is not a military alliance. Potentially due to the current geopolitical events, no Peace Mission, the SCO’s military trainings, took place in 2022, however the SCO leaders announced that the Peace Mission 2023 is going to take place – albeit in the Russian Urals, not CA (TASS 2022). These findings conclude CA security not being a priority to China, as security trainings are not conducted in CA but much more focused on Russia and the seas surrounding the region. Based on a lack of SCO-led training in CA, the SCO RATS, a body used in such trainings, plays a marginal role in CA security.

[Intelligence sharing in 2013 and 2022](#)

It appears that the SCO RATS was playing a minor role in intelligence sharing in 2013. Only 1 of the joint exercises, the “Joint Border Operation 2013”, explicitly made use of the structure (Stein 2019). This is quite baffling, as the SCO RATS supposedly was established by the SCO exactly to organise, support and facilitate intelligence sharing and joint exercises – however seemingly this concept did not share huge popularity among the CA countries in 2013.

In contrast to the lack of interest towards the SCO RATS, the Central Asian Regional Information and Coordination Centre for Combating Illicit Trafficking of Narcotic drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors (CARICC) was used throughout 2013 by CA countries for intelligence sharing and coordination of operations. CARICC was established as an independent organisation in 2009 by Kyrgyzstan, Tajikistan, Kazakhstan, Turkmenistan and

Uzbekistan (its member states). Since then, also throughout 2013, CARICC has been engaged in missions including conducting joint investigations and operations, analysing drug-related intelligence, providing training and capacity-building programs and promoting international cooperation's with the UNODC regional Office for Central Asia, Europol, Interpol and more (Stein 2019, 15). With a shift of the security threats for the region, the usage of CARICC appears understandable. SCO RATS is an intelligence sharing platform designed to combat terrorism related activities. Now, that terrorist activities remained low (Pantucci and Soliev 2023), the region was focussing on combating threats to its security emerging from other areas, such as the drug trade routes from Afghanistan that span through the CA states, which is where the CARICC becomes the tool to use. The CARICC's main objectives are coordinating efforts of its members in combating drug trafficking and facilitating cooperation and coordination of intelligence (CARICC n.d.; Stein 2019). Similar to intelligence sharing and operation planning through CARICC, the CA countries used other organisations or bilateral communication for information sharing in 2013.

In 2022, still the region of CA is relatively stable, experiencing less spill-overs of crime or terrorism from Afghanistan. However, with the Ukraine invasion of 2022 and the resulting weakness of Russia's security politics in mind, the region and also other actors like the US have reapproached the question of intelligence sharing to battle the terrorist threat for the region (Demirjian 2022). Although the US refrains from strong military presence, they are attempting to create "human intelligence" through their HUMINT initiative to engage in counterterrorism politics. The US understood that CA provides connections and ties to Afghanistan's terrorist entities that came long before the takeover in 2021. This, and the interconnectedness of the region due to ethnic groups living across borders, provides a valuable pool of intelligence – which the US is attempting to use (Demirjian 2022). It occurs that CA might provide the intelligence necessary to battle the terrorist threats from Afghanistan, which, once battled, hitherto will make CA more secure and stable. However, this has been a new development which is why data on the success or downfall has yet to be established. And regardless of success, the CA countries, especially Uzbekistan have a clear position – intelligence sharing and battling the threat of terrorism from Afghanistan is welcome, while military presence of the US on their grounds, is not (Demirjian 2022) .

Generally, intelligence sharing seems to hardly be a priority and fostered in the region, as has been established in the prior analysis. In addition, the intelligence sharing through SCO RATS, an organ of the SCO, specifically designed to be a platform for it, is, if looking at public sources, marginal. The SCO RATS is rarely mentioned directly when the regions head of states talk about cooperation and intelligence sharing (Figure 5). CARICC shows more results and use, as already in 2013, it continues to be a facility for intelligence sharing of drug trafficking related information amongst the CA countries in 2022. It has been considered by the UNODC as a great program for intelligence sharing and general sub-regional cooperation when it comes to combating drug trafficking in CA (UNODC, n.d.). The establishment and use of CARICC by the CA states proves the RSC theory and liberal institutionalism that are used as the framework to explore the overarching question of security realignment in CA. The CA states due to geographical proximity (RSCT) experience the same issues – drug trafficking in this instance – and collaborate in multilateral organisations (Institutional liberalism) – CARICC – to achieve their goal of combating the drug trafficking.

The economic dimension

Security politics, especially China-led often cover economic cooperation, as that is China's modus operandi in promoting security – security through economic development. The region while being part of trade unions and engaging in economic cooperation's was consistently aiming to promote trade, infrastructure and investments through regional initiatives to increase the security (Figure 5). Russia and China are competing in CA, however for the most parts in different spheres. Earlier Russia's role was the security guarantee, which had the capacity to respond militarily to security threats and issues, while China was an economic partner (Oliphant et al. 2015). Additionally, to the accelerating trade relations, China was aiming at establishing political frameworks for future Chinese economic expansion and integration into the region, trying to establishing economic development through growing trade and transit routes to achieve stability through improved living conditions (Burnashev 2015, 116; Oliphant et al. 2015, 32). Russia's EAEU initiative in 2013 was seen as economic union, less like a political union by its members Belarus and Kazakhstan. However, after Russia actively pursued Armenia to join the EAEU after the EU pursued Armenia led to a conclusion of Russia through the EAEU also having geopolitical intentions (Chathamhouse 2022). The EAEU here carries multiple goals and tasks. Next to being an economic, customs union and the

counterpart to the EU, it also brings security guarantees (Chathamhouse 2022; Hedenskog, Holmquist, and Norberg 2019, 38). Russia holds significant military power in CA and has strong bilateral relationships with the region, dominating it militarily and politically. However, this, especially in light of Russia's 2022 geopolitical ventures, might be challenged by the region in attempt to protect itself from Russia's all-encompassing influence. By strengthening their economic ties and interconnectedness, CA countries can create a situation where any military action against one country would have adverse effects on the others, making it more costly for Russia to intervene militarily. Strong economic dependencies can create a powerful deterrence against Russia and offset Russia's military dominance in the region by making it difficult to intervene militarily without suffering significant economic fallout (D'Anieri 2022). In 2022 economic cooperation has been flourishing for the most part (CAAN 2023). General efforts to promote trade, infrastructure and investments through regional initiatives were observed (Figure 5).

In conclusion, the security situation in CA was complex and multifaceted. While facing threats of extremism and terrorism and the subsequent threats such as drug trafficking and spill-over of terrorism from mostly Afghanistan, the analysis shows, that the region was filled with external actors trying to 'fix the issues'. While the US's influence was dwindling, China saw itself as a partner for economic development opportunities to increase stability and therefore security and Russia saw itself as the main security actor. The overwhelming presence of Russia directly and Russian-led organizations in the region shows how Russia viewed itself as a security guarantee allegedly being able to solve conflicts, the threats of terrorism and terrorist attacks and geopolitical tensions that formed the security politics of the region of that time. CA security in 2013 was complex and challenging, with a range of interrelated security threats posing significant risks to regional stability, however 2022 saw not much improvement. The next chapter will provide an analysis of the CA heads of states to gain insight on the security positionings of the states themselves.

Chapter 3: Regional Security Positioning – Analysing Central Asian presidential speeches

Category	Kazakhstan		Kyrgyzstan		Tajikistan		Uzbekistan	
	2013	2022	2013	2022	2013	2022	2013	2022
Security threats								
Terrorism	4	2	-	4	12	21	-	10
Extremism	2	3	-	2	11	15	-	6
Separatism	1	1	-	0	5	0	-	1
Arm and drug trafficking	1	0	-	2	5	11	-	2
Cybercrime	1	0	-	0	0	7	-	0
Afghanistan	7	0	-	1	12	11	-	8
others	1	2	-	4	9	12	-	3
Actors								
SCO RATS	2	0	-	0	0	0	-	3
SCO	5	6	-	3	14	4	-	9
External Actors/Others	20	15	-	7	41	38	-	7
Proposed Policies								
Militarisation/ Military Cooperation	0	2	-	1	6	2	-	1
Economic Development	1	2	-	1	3	1	-	2
Regional Cooperation	1	1	-	4	12	10	-	1
Dialogue and Diplomacy	1	2	-	2	5	1	-	2
Speeches analysed	3	6	No data, as key word not mentioned	7	11	11	No Data available	8

Figure 5: OVERVIEW OF CENTRAL ASIAN PRESIDENT SPEECHES REGARDING SECURITY POSITIONING (Source: Appendix)

Analysis

To answer the overarching research question of this paper about the security realignment in CA over the last decade and the degree SCO RATS was playing a role in it, it is important to examine the security positioning in the region and by the region itself. To answer the sub question “How do the presidents of CA countries perceive security in the area in 2013

and 2022? And to what extent does the SCO RATS play a role?”, excerpts of speeches given by the presidents of the CA countries in 2013 and 2022 have been analysed. In particular, speeches of the presidents of Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan given in 2013 and 2022 containing discussions about geopolitical or security issues in the region. The samples analysed are excerpts of speeches which have been preselected based on their mention of “security” (=“bezopasnost”). Those excerpts then are analysed and keywords, phrases and concepts relating to the coding scheme and the categories of “security threats”, “actors”, and “proposed policies” are counted. The analysis therefore is quantitative as based on the preselected excerpts and categories, the quantity of mentioned concepts and keywords is counted. A constraint of the analysis here, is the unavailability of data for Kyrgyzstan 2013 and Uzbekistan 2013, as the speeches were not obtainable as in the case for Uzbekistan 2013 or none of the speeches given contained security related discussions as is the case for Kyrgyzstan 2013.

The categories consist of subcategories, which help to obtain a clearer picture of the security positioning. Namely, “security threats” contains “terrorism”, “extremism” and “separatism” one of the main security concerns of the region (Tokayev 2022). Furthermore, tightly connected to the aforementioned are “arm and drug trafficking”, “cybercrime”, “Afghanistan” and “others”. Afghanistan has become a separate category of threat perception in the region, as most CA countries are bordering Afghanistan and therefore naturally have become concerned about the political and security developments there. The subcategory “others” includes notions like nuclear and water security, cross-border security and other individual threats. This category establishes the perceived threats of the countries in the respective 2013 and 2022.

The category “actors” includes three subcategories “SCO RATS”, “SCO” and “External Actors/others”. The mention of SCO RATS by CA presidents when it comes to security positioning plays a crucial role in answering the overarching research question of the degree of SCO RATS influence and opportunities for security realignment for the region. The SCO here is listed, as it is the body, the SCO RATS is an organ of. External Actors/others refer to the mention of other actors of security provision in the region, such as the CSTO, NATO, UN, that have been mentioned by the presidents (Appendix).

Lastly, the category “proposed policies” consists of “Militarisation”, “economic development”, “regional cooperation” and “dialogue and diplomacy”. Here, especially the policies of “militarization” and regional cooperation” are important, as they can be indicative of cooperation or realignment in security issues.

Kazakhstan

Kazakhstan’s presidents were not mentioning the keyword regional security in many speeches, only 3 speeches in 2013 (by Nazarbaev) and 6 in 2022 (by Tokaev) contained concepts relating to the notion of (regional) security. In those overall 9 speeches, the issues connected to the three evils have been mentioned 7 times in 2013 and 6 times in 2022, indication, it is not of massive concern for the respective presidents. In 2013, President Nazarbaev was however mentioning Afghanistan 7 times, the number indicates a potential threat perception. However, Nazarbaev is quoted in one of his speeches iterating he does not “perceive the withdrawal of the international troops from Afghanistan as a step that would ensue chaos” (Nazarbaev 2013a). Afghanistan was not mentioned once in the excerpts of Tokayev’s speeches from 2022, indicating that by 2022 Afghanistan, at least in Kazakhstan’s perception, did not constitute a security threat.

Actors involved in security in CA named by the Kazakh presidents, were overwhelmingly external actors/others – 20 times in 2013 and 15 times in the excerpts from 2022. The SCO was mentioned 5 times in 2013 and 6 times in 2022. Interestingly, the SCO RATS was not mentioned in 2022 and only twice in 2013, indicating that Kazakhstan preferred external/other actors to solve and collaborate on security issues of the region.

Kyrgyzstan

Kyrgyz president Atambaev did not mention the notion of regional security in his speeches in 2013, leading to no data set being available. The topics of his 2013 heavily revolved around internal issues – not regional security. Furthermore, on the Kyrgyz president’s website were no speeches found to be held at meetings with security organisations. However, meetings have taken place. In 2013, president Atambaev greeted the members of the SCO at one of their regular meetings of the SCO Council of Heads of State held in the capital Bishkek

(Kalymov 2013). The absence of the notion is an indicator, that regional security has not been an issue the head of state felt necessary to address in his speeches throughout 2013, reality however shows that meetings to address the security in the region were held.

In 2022, president Japarov however did mention the notion of regional security in 7 speeches, providing a data set to analyse the security positioning in 2022. The three evils were mentioned 6 times in the excerpts of 2022, while Afghanistan was only mentioned once, indicating Afghanistan not constituting a threat in Kyrgyz security positioning. Japarov mentioned other threats like water or energy security threats more frequently, namely 4 times. The SCO RATS was not mentioned once in speeches during 2022, the SCO 3 times and others/external actors 7 times – implying the Kyrgyz government having more willingness to work with external actors than the SCO or SCO RATS when it comes to security issues. However, the notion of regional cooperation was mentioned 4 times stipulating a willingness to cooperate in security actions, however not with or through the SCO RATS.

Tajikistan

Generally, Tajikistan's president in 2013 and 2022 held the most speeches mentioning the keywords "security" and concepts and keywords relating to security threats, actors and proposed policies. In overall 22 speeches (11 in 2013 and 11 in 2022) the Tajik President Emomaliy Rahmon mentioned the three evils - separatism, extremism and terrorism – 28 times in 2013 and 36 times in 2022, indicating an awareness and alertness to those threats and a perception of the region not being stable or secure. The other most prominently mentioned threat is Afghanistan and the unstable security situation, worrying Rahmon almost equally in 2013 and 2022, as he mentioned it 12 times in 2013 and 11 times in 2022. In connection to the changed security situation due to the takeover of the Taliban government in 2022, the outgoing arms and drug trafficking, terrorism and extremism from Afghanistan were worrisome to Rahmon. Rahmon named many actors and bilateral cooperation strategies to battle the security issues in the region, including the SCO (41 times in 2013 and 4 times in 2022). Other actors despite the SCO were Western actors such as the UN, CSTO and other regional organisations. Those were mentioned 41 times in the 2013 speeches and 38 times in the 2022 speeches. In 2022 Rahmon's security concerns also started to encompass cybercriminality, an aspect not mentioned in 2013 or by most other presidents of the region,

only once by Kazakhstan's president in 2013. Seemingly Rahmon is rather an advocate for regional cooperation to tackle the security issues, mentioning concepts relating to regional cooperation 12 times in 2013 and 10 times in 2022. For example the "ongoing drug trafficking issues and extremism coming from the region of Pakistan shall be resolved by tight cooperation with Pakistan", not through multilateral organisations like SCO RATS (Rahmon 2013a). However, differently to what would have been expected based on the idea of regional cooperation to solve threats such as terrorism, extremism and separatism, the SCO RATS (being tasked with exactly providing support and information exchange in dealing with the threats of the three evils) was not named as an organisation to support the resolving of security issues at all, neither in 2013 nor in 2022.

His focus clearly lay in promoting and establishing cooperation in and general economic growth and development. When talking about security, Rahmon tried appealing for a (peaceful and diplomatic) multilateral political approach and cooperating with multiple security organisations, entities and countries (Hedenskog, Holmquist, and Norberg 2019, 35), While emphasizing that "Russia remains an important partner in all spheres, entailing economic, (geo)political and security" (Rahmon 2013a). This indicated that Russia was viewed by Tajikistan in 2013 as the guarantee and provider for regional security (Rahmon 2013a). Furthermore, the SCO was barely named, and if mostly for economic purposes. The SCO RATS was not mentioned. Instead collaboration should either happen bilateral or within CSTO (Rahmon 2013b). Interestingly, Tajikistan back in 2013 saw itself as a new power entity to establish security in the region, but most importantly Afghanistan itself after the withdrawal of international troops (Rahmon 2013c).

Uzbekistan

This analysis does not include data of the speeches of the Uzbek president Karimov from 2013, as no speeches were available to be sourced on the website of the Uzbek president.

However, for 2022 a data set of 8 speeches mentioning security were available. In those, the threats of the three evils were mentioned 17 times, indicating an awareness and threat perception. Furthermore, Afghanistan was mentioned 8 times, often connected to the awareness of the necessity to establish peace in the country to minimise the radiating threats

to the region such as arms and drug trafficking and terrorism. In connection to this, the SCO RATS was mentioned 3 times, the SCO 9 times and external/other actors 7 times, indicating that the Uzbek president Mirziyoyev does perceive the SCO RATS as a tool for security cooperation.

Interpretation

The perception of security by the CA presidents in 2013 and 2022 presents valuable insights to furthermore answer the research question of potential security realignment in the area and the role of SCO RATS. Overall, the main issues throughout countries and years have been the three evils, specifically terrorism and extremism and Afghanistan. In many cases, they were also interlinked being portrayed by the presidents as coming out of Afghanistan and infiltrating the region. Similarly, the presidents throughout years and countries preferred and asked for cooperation in security issues with external/other actors such as the CSTO, EU, UN, NATO and more. Overall, external actors/others were mentioned 128 times while the SCO RATS was mentioned only 5 times. This can be interpreted multiple ways. Either the countries do not regard the SCO RATS as a powerful or useful enough organisation due to lack of success or lack of means or the countries are purposefully trying to avoid the SCO RATS by implementing and attempting to establish cooperation with security organisations besides the SCO. Often times regional cooperation in counterterrorism measures was suggested, however SCO RATS very rarely mentioned as a supposed or explementary executive organ (Figure 5).

Often, the CA presidents mentioned other or external actors entrusted with security provision for the region, such as the EU, NATO or UN. Often times, however, they also mentioned regional alliances and organisations that were neither the SCO or SCO RATS, but for example the CSTO. In fact, the CSTO remained the most mentioned regional organisation. Additionally to preferring Western institutions and their values such as aiming at acting according to UN charters – the presidents also suggested creating new organs or collaborations such as subbranches of already existing organisations or completely new ones. Interestingly, the description of tasks and names often was very reminiscent of the tasks and principles of the SCO RATS (Nazarbaev 2013b). The SCO, although not as often as external actors, was mentioned as an entity to ensure security (Tokayev 2022). However, as the SCO is an economic organisation, the means for security provision were economic development and

cooperation, a seemingly preferred tool by the CA presidents rather than committing to security cooperation through the SCO RATS (Rahmon 2022).

Furthermore, a common theme along all speeches throughout the years and by all CA presidents was the initiative to treat the security issues and threats in the region by economic, diplomatic and cultural cooperation (Figure 5; Appendix). The analysis of the speeches has, even though that was not the main goal, also align with RSCT in which regional security goes beyond military cooperation but also entail geographical, cultural and political cooperation and implications such as seen in the speeches when the CA presidents were mentioning cooperation in sectors beyond military and security – including cultural, economic and political.

Generally, the perception of security did not massively change between the years 2013 and 2022 in the examined excerpts. All presidents named Afghanistan a pressing security threat in 2013 and in 2022, indicating in both years similar dangers radiating from the country namely drug and arms trafficking and terrorism. In 2022, a new security threat was brought to the attention of the CA presidents, especially to Rahmon who mentioned it often in combination with the three evils, the security threat being cybercrime (Figure 5).

The results of this analysis are ambiguous, suggesting on the one hand states of CA being increasingly concerned with security especially with security issues radiating or spilling over from Afghanistan like drug and arm trafficking, terrorism and extremism and cybercrime (Figure 5). On the other hand, however, the results indicate the role of the SCO RATS, which in theory would be a great tool to consult to battle these security threats, being marginal and decreasing. The SCO RATS is not considered too important in the region, as other actors are approached for cooperation more often by the CA presidents.

Analysis and conclusion - Inaction and Oversized Vocabulary

Central Asia, wedged between two regional powers experienced several security threats over the last decade. This has been happening in 2013 and continued throughout 2022, without visible indicators that 2023 might turn any different. However, the latest geopolitical events such as public uprisings paired with the inaction of former security guarantee Russia, and China's silence on security matters have issued the question about security politics and potential realignment. The issues posed are terrorism from Afghanistan (but also CA countries), extremism, separatism, violence, arm and drug trafficking through CA borders and cybercrime and more. Especially prior to 2022 the CA heads of states would reiterate and state their security threats being connected to the three evils – extremism, separatism and terrorism. Those three evils are why China presented itself as a security actor in the matters - to collaboratively battle and undermine terrorist and other criminal actions in the area. This paper took the methodological framework of applying the RSC theory combined with the theory of institutional liberalism to the case of CA security. This approach was supplemented with a comparative historical analysis conducted in chapter 2 of security related data and actions in the region in 2013 and 2022 to gain factual data about the state of security in CA. Additionally chapter 3 conducted a content analysis of presidential speeches held by the heads of states to gain insight on their stance on security matters in the region. The conducted data on security actions and the positioning of the presidents towards security provided an idea of the relations CA states have towards security and security partners in CA. This analysis provides the base to finally answer the research question **“To what degree has the SCO RATS provided opportunities for security realignment in Central Asia over the last decade?”**.

The literature review showed a gap in a modern analysis of the SCO's role in security - especially the extent of the SCO RATS degree in CA security realignment and politics have been barely analysed by academia. Therefore this paper provided the data to close the research gap and explore the degree the SCO rats had in CA security realignment. Elements of security realignment as indicated in chapter 2 are security concerns, political and military cooperation, intelligence sharing and economic cooperation, each of which has been examined. CA states pursued and seemingly will continue to, a multilateral approach to security and multi-vector

foreign policy, in which regional powers and multilateral organisations are active and are balanced. However, the data from chapter 2 indicated that perhaps not the current regional powers Russia and China or their multilateral security organisations (SCO and CSTO) will remain the main security actors in the region. The data has shown that the CA states entrust a plethora of international organisations such as the UNODC or even multilateral and bilateral relations within the CA region such as the CARIIC. The data from chapter 3 aligns with the previous findings – CA presidents have consistently in 2013 and 2022 mentioned other security actors far more often than the SCO or the SCO RATS. This indicates that the China-led organisations really do not have a significant degree in the security realignment. The Russian-led security organisation CSTO has gotten more attention and overall is significantly more present in the region, still operating military installations and conducting joint military trainings in both years that have been examined as well as being mentioned far more often by the presidents in the speeches than the SCO/ RATS.

When speaking of China, the next thought is the SCO. As China's regional organization and tool for economic and increasingly security meddling in the region, the SCO has been seen as an influential regional organization and partner of CA – however generally more in economic terms. Its organ specifically designed to aid security establishment through intelligence collection and operation organisation, has seemingly been forgotten and not put to use in CA. There is not much information about SCO RATS and their potential in aiding security establishment. Additionally, the SCO RATS has barely been mentioned as a vehicle, especially by the heads of CA states, but also by academia. Even the UNODC is planning on taking more tasks similar to SCO RATS than RATS itself in their program for 2022-2025. The research has shown that SCO RATS did not promote greater cooperation and coordination amongst the member states in the fight against separatism, extremism and terrorism, as cooperation barely took place. Intelligence sharing, although conducted in the region, has barely happened through RATS. It has however happened under other organizations in which data bases and intelligence were shared and training conducted, enabling a growth of counterterrorism capabilities of the states.

The research has shown, that the SCO ostracized itself as a security player in 2022, when it remained reluctant to intervene in security threatening events in CA. The silence of the China-led SCO revealed the true motives and limitations to China's willingness to act as a security hegemon in the region without it being beneficial. The SCO promotes China's foreign political and security interests namely suppressing the Uyghur minority and promoting economic collaboration through the Belt and Road. Prior to that it was observable that China would support CA security when it was beneficial to support the regime, as it was following China's path. Similar to China's drastic dwindling of security involvement, Russia's involvement in CA security was likewise questioned. In 2022, Russia began the full-scale military invasion of Ukraine, whereby directing a massive number of resources and political strength towards that matter. The Russian-led CSTO security organisations actions in the region have notably suffered through this shift. In 2022, the CSTO only responded to the January protests in Kazakhstan, not getting involvement in the many security issues throughout the year.

The data sourced from 2013 and 2022 indicated security realignment happening and especially in 2022, with Russia's attention switched from Central Asia to Ukraine. The data shows that in 2013 CA was largely oriented in security terms towards Russia via the CIS and CSTO operations and collaborations. In 2022, a softening of the stance towards Russia can be observed, however, contrary to realist believes no clear reorientation towards China in security terms can be observed. The CA states have shifted away from Russian-led security cooperation both in factual terms with CSTO trainings being boycotted or CSTO involvement into protests in the states explicitly not wanted. Furthermore, the presidential positionings on security support this statement. The Russian Federation has been mentioned less and other types of cooperation have been preferred and talked about.

Russia's position in CA security politics is weakening, however China's is not strengthening. The SCO RATS structure, although promising, has not provided China or SCO itself a clear method of reorienting CA towards China's security orbit. Instead, CA appears to still have many of the same security concerns in 2022 as in 2013, but in practice to be following a more 'multilateral' security strategy - one now emphasizing inter-regional links where CA

states collaborate in trainings and conduct joint bilateral exercises, instead of relying on a singular outside actor.

Central Asia, through its attempts and successes of economic, political and military cooperation shows all the elements of security realignment. This leads to the conclusion, that security realignment in Central Asia has happened and from now onwards probably will massively increase - however the SCO RATS, as an institution for collaboration and intelligence sharing on security issues - has played and will play a marginal role in it.

Reference List

- Afzal, Amina. 2006. 'Security Cooperation in Central Asia: The Changing Role of Multilateral Organisations'. *Strategic Studies* 26 (4): 69–90.
- Akbarzadeh, Shahram. 2015. 'Iran and the Shanghai Cooperation Organization: Ideology and Realpolitik in Iranian Foreign Policy'. *Australian Journal of International Affairs* 69 (1): 88–103. <https://doi.org/10.1080/10357718.2014.934195>.
- Alimov, Rashid. 2017. 'The Role of the Shanghai Cooperation Organization in Counteracting Threats to Peace and Security'. United Nations. United Nations. 2017. <https://www.un.org/en/chronicle/article/role-shanghai-cooperation-organization-counteracting-threats-peace-and-security>.
- Aslam, Malik Waqar, and Muhammad Saeed. 2022. 'The Role of Shanghai Cooperation Organization in the Resolution of Indo-Pak Conflicts: Future Prospects and Recommendations' 7 (2): 399–410.
- Bifulchi, Giuliano. 2022. 'Tajikistan between CSTO and the U.S. Military Support'. 2785–2598. *SpecialEurasia*. <https://www.specialeurasia.com/2022/10/12/tajikistan-csto-russia-us/>.
- Blank, Stephen. 2007. 'An Uzbek Air Base: Russia's Newest Achievement in Central Asia | Eurasianet'. Eurasianet. 11 January 2007. <https://eurasianet.org/an-uzbek-air-base-russias-newest-achievement-in-central-asia>.
- Brummer, Matthew. 2007. 'The Shanghai Cooperation Organization and Iran: A Powerfull Union'. *Journal of International Affairs* 60 (2): 185–98.
- Burnashev, Rustam. 2015. 'Security Challenges in Central Asia'. *L'Europe en Formation* 375 (1): 106–22. <https://doi.org/10.3917/eufor.375.0106>.

- Buzan, Barry, and Ole Wæver. 2003. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge Studies in International Relations 91. Cambridge: University Press.
- CAAN. 2023. Kak Tsyentral'naya Aziya mozhyet nayti syebya v oosloviyah myenyayooshshyegosya ryegional'nogo poryadka? ['Как Центральная Азия может найти себя в условиях меняющегося регионального порядка?'] - Central Asia Analytical Network'. <https://www.caa-network.org/>. 12 March 2023.
<https://www.caa-network.org/archives/24735/>.
- Cabestan, Jean-Pierre. 2013. 'The Shanghai Cooperation Organization, Central Asia, and the Great Powers, an Introduction: One Bed, Different Dreams?' *Asian Survey* 53 (3): 423–35. <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.423>.
- CARICC. n.d. 'About CARICC'. CARICC. Accessed 4 June 2023.
<https://caricc.org/index.php/en/caricc/about-caricc/about-centre>.
- Chathamhouse. 2022. 'What Is the Eurasian Economic Union?' Chatham House – International Affairs Think Tank. 15 July 2022.
<https://www.chathamhouse.org/2022/07/what-eurasian-economic-union>.
- CIS ATC. 2013. 'Ala-Too-Anti-Terror-2013 -'. The Commonwealth of Independent States Anti-Terrorism Center. 2013. <https://eng.cisatc.org/1289/133/161/7145>.
- Clarke, Michael. 2008. "'Making the Crooked Straight": China's Grand Strategy of "Peaceful Rise" and Its Central Asian Dimension'. *Asian Security (Philadelphia, Pa.)* 4 (2): 107–42. <https://doi.org/10.1080/14799850802006589>.
- D'Anieri, Andrew. 2022. 'How the Central Asian States Can Protect Themselves From Russia'. *The Diplomat*, 24 January 2022. <https://thediplomat.com/2022/01/how-the-central-asian-states-can-protect-themselves-from-russia/>.

- Demirjian, Karoun. 2022. 'U.S. Works to Scale up Intelligence Networks in Central Asia'. *Washington Post*, 21 June 2022. <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/06/21/us-central-asia-counterterrorism/>.
- Department of Legal Affairs India. 2021. 'Participation Of Department Of Legal Affairs In Various Forums Of Shanghai Cooperation Organisation (SCO)'. Department of Legal Affairs. 2021. <https://legalaffairs.gov.in/sectiondivision/participation-department-legal-affairs-various-forums-shanghai-cooperation>.
- Doolotkeldieva, Asel, and Erica Marat. 2022. 'Why Russia and China Aren't Intervening in Central Asia'. *Foreign Policy* (blog). 4 October 2022. <https://foreignpolicy.com/2022/10/04/tajikistan-kyrgyzstan-russia-china-intervention-central-asia/>.
- Flichy de la Neuville, Thomas. 2015. 'China-Iran-Russia-A Cybercommunity of Information?' In *Chinese Cybersecurity and Defense*, 177–97. Somerset, UNITED STATES: John Wiley & Sons, Incorporated. <http://ebookcentral.proquest.com/lib/leidenuniv/detail.action?docID=1765106>.
- Flikke, Geir. 2016. 'Sino–Russian Relations Status Exchange or Imbalanced Relationship?' *Problems of Post-Communism* 63 (3): 159–70. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1163227>.
- Frost, Alexander. 2009. 'The Collective Security Treaty Organization, the Shanghai Cooperation Organization, and Russia's Strategic Goals in Central Asia'. *Central Asia - Caucasus Institute Silk Road Studies Program* 7 (3): 20.
- Grajewski, Nicole. 2022. 'An Illusory Entente: The Myth of a Russia-China-Iran "Axis"'. *Asian Affairs* 53 (1): 164–83. <https://doi.org/10.1080/03068374.2022.2029076>.
- Griffiths, Martin. 2014. *International Relations: The Key Concepts*. Third edition. Routledge Key Guides. Abingdon, Oxon ; New York: Routledge.

- Guvvadi, Nikhil. 2022. 'SCO-RATS: Finding Common Ground against Terrorism | Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses'. IDSA Comment. 29 December 2022. <https://idsa.in/idsacomments/sco-rats-against-terrorism-nguvvadi-291222>.
- Hedenskog, Jakob, Erika Holmquist, and Johan Norberg. 2019. 'Security in Central Asia: Russian Policy and Military Posture'. FOI-R--4756--SE.
- Immigration and Refugee Board of Canada. 2015. 'Kyrgyzstan and China: The Shanghai Cooperation Organization (SCO), Including Relationship between China and Kyrgyzstan; Activities of the Organization Involving the Two Countries (2012-2015)'. ZZZ105073.E. Canada: Immigration and Refugee Board of Canada. <https://www.refworld.org/docid/560b8e474.html>.
- Interpol. 2014. 'Memorandum of Understanding Between The International Criminal Police Organization - Interpol and the Executive Committee of the Regional Anti-Terrorist Structure of the Shanghai Cooperation Organization (SCO-RATS)'. Monaco. <https://www.interpol.int/en/content/download/11136/file/21-%20SCO-RATS.pdf>.
- Jones, Iya, and Shamsiya Rakhimshoeva. 2022. 'Central Asia Needs a New Approach to Security'. United States Institute of Peace. 9 March 2022. <https://www.usip.org/publications/2023/03/central-asia-needs-new-approach-security>.
- Kalymov, Asset. 2013. 'In Bishkek, SCO Presidents Address Regional Security Challenges'. *The Astana Times*, 20 September 2013. <https://astanatimes.com/2013/09/in-bishkek-sco-presidents-address-regional-security-challenges/>.
- Khizar, Sundas, and Rana Eijaz Ahmad. 2021. 'Pakistan's Engagement with China and Russia: Impacts on the Regional Order'. *Pakistan Social Sciences Review* 5 (IV): 324–36. [https://doi.org/10.35484/pssr.2021\(5-IV\)25](https://doi.org/10.35484/pssr.2021(5-IV)25).

- Kim, Younkyoo, and Stephen Blank. 2013. 'Same Bed, Different Dreams: China's "peaceful Rise" and Sino-Russian Rivalry in Central Asia'. *The Journal of Contemporary China* 22 (83): 773–90. <https://doi.org/10.1080/10670564.2013.782126>.
- Kissenkoetter, Michelle, David Knaute, and Vanessa Rizk. 2012. 'Shanghai Cooperation Organisation: A Vehicle for Human Rights Violations'. Paris. https://doi.org/10.1163/2210-7975_HRD-0035-1158.
- Krivosheev, Kirill. 2022a. 'Crises in Central Asia Belie the Region's Ability to Democratize'. Carnegie Endowment for International Peace. 13 July 2022. <https://carnegieendowment.org/politika/87495>.
- Krivosheev, Kirill. 2022b. Who is in the SCO, who is firewood ['Кто в ШОС, кто по дрова']. *Kommersant*, 20 August 2022.
- Kucera, Joshua. 2013a. 'Russia "Increasingly Distrustful" Of SCO | Eurasianet'. *Eurasianet*, 5 March 2013. <https://eurasianet.org/russia-increasingly-distrustful-of-sco>.
- Kucera, Joshua. 2013b. 'A Diminished SCO Exercises In Kazakhstan | Eurasianet'. *Eurasianet*, 17 June 2013. <https://eurasianet.org/a-diminished-sco-exercises-in-kazakhstan>.
- Kucera, Joshua. 2013c. 'As 2014 Approaches, SCO Role In Afghanistan Remains Unclear | Eurasianet', 13 September 2013. <https://eurasianet.org/as-2014-approaches-sco-role-in-afghanistan-remains-unclear>.
- Lanteigne, Marc. 2006. 'In Medias Res: The Development of the Shanghai Co-Operation Organization as a Security Community'. *Pacific Affairs* 79 (4): 605–22. <https://doi.org/10.5509/2006794605>.
- Lanteigne, Marc. 2018. 'Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the "Crimea Effect"'. In *Russia's Turn to the East*, 119-138. palgrave pivot. https://doi-org.ezproxy.leidenuniv.nl/10.1007/978-3-319-69790-1_7.

Lemon, Edward. 2018. 'Talking Up Terrorism in Central Asia'. *Wilson Center*, no. 38: 12.

Lemon, Edward, and Bradley Jardine. 2021. 'Central Asia's Multi-Vector Defense Diplomacy', no. 68: 13.

Locoman, Ecaterina. 2022. 'What's Next for Ukraine's (and Its Neighbors') Domestic and Foreign Policy?' Foreign Policy Reserach Institute. 7 June 2022.

<https://www.fpri.org/article/2022/06/whats-next-for-ukraines-and-its-neighbors-domestic-and-foreign-policy/>.

Malyshev, D. V. 2022. 'ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ЕЕ РОЛЬ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (К 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ШОС) [The Shanghai Cooperation Organization and its role in the contemporary system of international relations (On the 20th anniversary of the SCO)]'. *Moscow University Bulletin of World Politics* 13 (4): 81–104.

<https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104>.

Melvin, Dr Neil. 2022. 'Securing Eurasia Is Europe's Challenge'. RUSI. 4 November 2022.

<https://www.rusi.org><https://www.rusi.org>.

minority rights group international. 2022. 'Military Crackdown in Tajikistan: Another Step Backwards for Pamiri Minority Rights and towards Potential Conflict'. Minority Rights Group. 20 May 2022. <https://minorityrights.org/2022/05/20/tajikistan-crackdown/>.

minority rights group international. 2023. 'Tajikistan Pamiris'. Minority Rights Group. March 2023. <https://minorityrights.org/minorities/pamiris/>.

Mousavi, Mohammad A., and Esfandiar Khodaei. 2013. 'Iran and the Shanghai Cooperation Organization'. *Iranian Review of Foreign Affairs* 4 (1).

<https://www.sid.ir/paper/218082/en>.

Nan, Li. 2022. 'Will China's Military Exercises with SCO Countries and Russia Help It Build a Regional Security Order?' ThinkChina - Big Reads, Opinion & Columns on China. 29 November 2022. <http://www.thinkchina.sg/will-chinas-military-exercises-sco-countries-and-russia-help-it-build-regional-security-order>.

Nazarbaev, Nursultan. 2013a. 'Vystuplenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N.A.Nazarbaeva na XI Evraziiskom media-forume [Выступление Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева на XI Евразийском медиа-форуме]'. Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan presented at the Eurasian Media Forum, Almaty, April 25.
https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nanazarbaeva-na-xi-evraziiskom-media-forume.

Nazarbaev, Nursultan. 2013b. 'Vistooptyeniye Pryezidyenta Kazahstana N.A.Nazarbayeva na konfyeryentsii ministrov inostrannih dyel stran-oochastnits Stambool'skogo protsyessa [Выступление Президента Казахстана Н.А.Назарбаева на конференции министров иностранных дел стран-участниц Стамбульского процесса]'. Presented at the Conference of Foreign Ministers, Almaty, April 26.
https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nanazarbaeva-na-konferencii-ministrov-inostrannyh-del-stran-uchastnic-stambul'skogo-processa.

Noll, Andreas. 2022. 'Russia Joined by Allies in Vostok Military Drills'. *Deutsche Welle*, 1 September 2022. <https://www.dw.com/en/vostok-2022-russian-military-joined-by-allies-in-major-drills/a-62987000>.

Norberg, Johan. 2014. 'ISAF's Withdrawal from Afghanistan - Central Asian Perspectives on Regional Security'. Text FOI-R--3880—SE. Swedish Defence Reserach Agency.
<https://www.foi.se/en/foi/reports/report-summary.html?reportNumber='FOI-R--3880--SE>.

- Norling, Nicklas, and Niklas Swanström. 2007. 'The Shanghai Cooperation Organization, Trade, and the Roles of Iran, India and Pakistan'. *Central Asian Survey* 26 (3): 429–44. <https://doi.org/10.1080/02634930701702779>.
- Olech, Aleksander. 2022. 'Russian Overseas Military Bases'. Defence24.com. 30 December 2022. <https://defence24.com/geopolitics/russian-overseas-military-bases>.
- Oliphant, Craig, Simon Mills, Ivan Campbell, Bernardo Mariani, Maija Paasiaro, and Tang Xiaomin. 2015. 'Central Asia at a Crossroads - Russia and China's Changing Roles in the Region and the Implications for Peace and Stability'. Saferworld. <https://www.saferworld.org.uk/downloads/central-asia-at-a-crossroads.pdf>.
- Pannier, Bruno. 2022. 'How the Intervention in Kazakhstan Revitalized the Russian-Led CSTO - Foreign Policy Research Institute'. Foreign Policy Research Institute. <https://www.fpri.org/article/2022/03/how-the-intervention-in-kazakhstan-revitalized-the-russian-led-csto/>.
- Pantucci, Raffaello, and Nodirbek Soliev. 2023. 'Central Asia: Annual Assessment'. *Raffaello Pantucci* (blog). 4 February 2023. <https://raffaellopantucci.com/2023/02/04/central-asia-annual-assessment-2/>.
- Plater-Zyberk, Henry, and Andrew Monaghan. 2014. 'Strategic Implications of the Evolving Shanghai Cooperation Organization'.
- Puri, Samir. 2017. 'The Strategic Hedging of Iran, Russia, and China: Juxtaposing Participation in the Global System with Regional Revisionism'. *Journal of Global Security Studies* 2 (4): 307–23. <https://doi.org/10.1093/jogss/ogx015>.

Putz, Catherine. 2022a. 'Russian Ambassador to Kazakhstan Says US-NATO Steppe Eagle Exercise Will "No Longer Fly"'. *The Diplomat*, 11 February 2022.
<https://thediplomat.com/2022/02/russian-ambassador-to-kazakhstan-says-us-nato-steppe-eagle-exercise-will-no-longer-fly/>.

Putz, Catherine. 2022b. 'Military Exercises in Uzbekistan and Tajikistan Illustrate Regional Cooperation and Concerns'. *The Diplomat*, 10 August 2022.
<https://thediplomat.com/2022/08/military-exercises-in-uzbekistan-and-tajikistan-illustrate-regional-cooperation-and-concerns/>.

Putz, Catherine. 2022c. 'Russia Voices Aim to Increase Combat Readiness at Bases in Central Asia'. *The Diplomat*, 30 August 2022. <https://thediplomat.com/2022/08/russia-voices-aim-to-increase-combat-readiness-at-bases-in-central-asia/>.

Putz, Catherine. 2022d. 'Kyrgyzstan Cancels CSTO "Indestructible Brotherhood" Military Exercises'. *The Diplomat*, 11 October 2022.
<https://thediplomat.com/2022/10/kyrgyzstan-cancels-csto-indestructible-brotherhood-military-exercises/>.

Qamar Fatima and Sumera Zafar. 2014. 'New Great Game: Players Interests Strategies and Central Asia'. *South Asian Studies (Lahore, Pakistan)* 29 (2): 627-.

Rahmon, Emomalij. 2013a. 'Vistooplyeniye Na Vstryechye s Diplomatchyeskimi Rabotnikami Strani Po Sloochayoo Otkritiya Novogo Zdaniya Ministyerstva Inostrannih Dyel Ryespoobliki Tajikistan[Выступление На Встрече с Дипломатическими Работниками Страны По Случаю Открытия Нового Здания Министерства Иностранных Дел Республики Таджикистан]'. Dushanbe, March 15.
<http://president.tj/ru/node/4114>.

Rahmon, Emomalij. 2013b. 'Zayavlyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona Dlya Pryessi Po Itogam Vstryechi s Pryezidyentom Rossiyskoy Fyedyeratsii Vladmirom Pootinim [Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Для Прессы По Итогам Встречи с Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным]'. Russian Federation, August 2.
<http://president.tj/ru/node/4836>.

Rahmon, Emomalij. 2013c. 'Zayavlyeniye Dlya Pryessi Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona Po Itogam Vstryechi i Pyeryegovorov s Pryezidyentom Islamskoy Ryespoobliki Afganistan Hamidom Karzayem [Заявление Для Прессы Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона По Итогам Встречи и Переговоров с Президентом Исламской Республики Афганистан Хамидом Карзаем]'. Dushanbe, October 21. <http://president.tj/ru/node/5461>.

Rahmon, Emomalij. 2022. 'Ryech' Na Pryess-Konfyeryentsii Poslye Pyeryegovorov s Pryezidyentom Islamskoy Ryespoobliki Iran Sayidom Ibrohimom Raisi [Речь На Пресс-Конференции После Переговоров с Президентом Исламской Республики Иран Сайидом Иброхимом Раиси]'. Iran, May 30.
<http://president.tj/ru/node/28417>.

RATS SCO. n.d. 'Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organisation'. Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organisation. Accessed 8 May 2023. <https://ecrats.org/en/>.

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organisation. n.d. 'Background and Mission'. Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organisation. Accessed 21 December 2022. <https://ecrats.org/en/about/history/>.

RFE/RL's Kazakh Service. 2022. 'Russian-Led CSTO To Hold Military Maneuvers In Central Asia In October'. *RadioFreeEurope*, 29 April 2022. <https://www.rferl.org/a/russia-csto-military-drills-central-asia/31827266.html>.

- Rogozińska, Agnieszka, and Aleksander Ksawery Olech. 2020. 'THE RUSSIAN FEDERATION'S MILITARY BASES ABROAD'. Warsaw: Institute of New Europe. <https://ine.org.pl/wp-content/uploads/2020/12/THE-RUSSIAN-FEDERATIONS-MILITARY-BASES-ABROAD-1.pdf>.
- Rondeli Foundation. n.d. 'Russian Military Forces: Interactive Map'. GFSIS. Accessed 10 May 2023. <https://gfsis.org.ge/maps/russian-military-forces>.
- Saalbach, Apl. Prof. Dr. Dr. K. 2023. 'The Expansion of the Shanghai Cooperation Organization SCO', April, 17.
- Shah, Syed Taimoor, and Ayesha Afgun. 2020. 'RESURGENCE OF RUSSIA AS A GREAT POWER AND ITS FOREIGN POLICY ORIENTATION TOWARDS SOUTH ASIA'. *Margalla Papers* 24 (2): 93–103. <https://doi.org/10.54690/margallapapers.24.2.12>.
- Shakhanova, Gaziza. 2017. 'The Architecture of Security in the Eurasian Region: Is Russia Still a Guarantor of Regional Security?', December.
- Stein, Matthew. 2019. 'Compendium of Central Asian Military and Security Activity'. APAN. https://community.apan.org/cfs-file/__key/telligent-evolution-components-attachments/13-14863-00-00-00-19-48-80/2019_2D00_11_2D00_20-Compendium-of-Central-Asian-Military-and-Security-Activity-_2800_Stein_2900_.pdf?forcedownload=true.
- Sun, Zhuangzhi. 2021. 'Progress and Prospects: Sino-Russian Strategic Coordination in Multilateral Mechanisms'. *Chinese Journal of Slavic Studies* 1 (1): 79–91. <https://doi.org/10.1515/cjss-2021-2006>.
- Tarakanova, Tamara Sergeevna. 2016. 'PROVIDING REGIONAL SECURITY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION'. *Nauka Krasnoĭar'skaia*, no. 6: 97-. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2016-6-97-111>.

TASS. 2022. 'SCO to Hold Peace Mission Counter-Terror Drills in Urals next Year — Military Command'. TASS. 13 December 2022. <https://tass.com/defense/1549833>.

The Economist Times. 2022. 'India, Russia and Central Asian Nations to Take Part in Anti-Terror Exercise at NSG Garrison'. *The Economic Times*, 10 October 2022. <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-russia-and-central-asian-nations-to-take-part-in-anti-terror-exercise-at-nsg-garrison/articleshow/94746939.cms>.

The Hindu. 2022. 'SCO-RATS Decides to Counter Threats from International Terror Groups Operating from Afghanistan'. *The Hindu*, 14 October 2022, sec. India. <https://www.thehindu.com/news/national/sco-rats-decides-to-counter-threats-from-international-terror-groups-operating-from-afghanistan/article66009451.ece>.

Tokayev, Kassym-Jomart. 2022. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Kazahstana Kasim-Zhomarta Tokayeva na zasyedanii Sovyeta glav gosoodarstv – chlyenov SCO v rasshiryennom formatye [Выступление Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева на заседании Совета глав государств – членов ШОС в расширенном формате]'. September 16. <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-kasym-zhomarta-tokaeva-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos-v-rasshirennom-formate-168294>.

Toktogulov, Beishenbek. 2022. 'UZBEKISTAN'S FOREIGN POLICY UNDER MIRZIYOYEV: CHANGE OR CONTINUITY?' *Eurasian Research Journal* 4 (1): 49–67. <https://doi.org/10.53277/2519-2442-2022.1-03>.

U. S. Embassy Dushanbe. 2022. 'REGIONAL COOPERATION 2022 Military Exercise Begins in Dushanbe'. U.S. Embassy in Tajikistan. 10 August 2022. <https://tj.usembassy.gov/regional-cooperation-22/>.

- United Nations. n.d. 'CTED Delegation Meets with the Director of the Executive Committee of the Regional Anti-Terrorist Structure of the Shanghai Cooperation Organization | Security Council - Counter-Terrorism Committee (CTC)'. Accessed 8 April 2023. <https://www.un.org/securitycouncil/ctc/news/cted-delegation-meets-director-executive-committee-regional-anti-terrorist-structure-shanghai>.
- UNODC. n.d. 'UNODC Programme for Central Asia 2022-2025'. https://www.unodc.org/documents/centralasia/2021/publications/Signed_UNODC_Programme_EN_02.12.21.pdf.
- UNRCCA. 2022. 'UNRCCA CO-ORGANIZES INTERACTIVE TRAINING COURSE IN PARTNERSHIP WITH THE UN OFFICE OF COUNTER-TERRORISM AND THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION'. UNRCCA. 28 October 2022. <https://unrcca.unmissions.org/unrcca-co-organizes-interactive-training-course-partnership-un-office-counter-terrorism-and-shanghai>.
- Weitz, Richard. 2012. 'Uzbekistan: A Peek Inside an SCO Anti-Terrorism Center'. Eurasianet. 25 September 2012. <https://eurasianet.org/uzbekistan-a-peek-inside-an-sco-anti-terrorism-center>.
- Weitz, Richard. 2021. 'Assessing Chinese-Russian Military Exercises', July, 9.
- Xiaodong, Zhao. 2012. 'The Shanghai Cooperation Organisation and Counter- Terrorism Cooperation'. *Institute for Security and Development Policy*, August. https://isd.eu/content/uploads/images/stories/isd-main-pdf/2012_zhao_the-shanghai-cooperation-organisation.pdf.
- Yuan, Jing-Dong. 2010. 'China's Role in Establishing and Building the Shanghai Cooperation Organization (SCO)'. *Journal of Contemporary China* 19 (67): 855–69. <https://doi.org/10.1080/10670564.2010.508587>.

Zanini, LTC Andrea. 2022. 'China's New Military Posture in Central Asia'. Combined Strategic Analysis Group.

Appendix

Excerpts of Speeches of Central Asian presidents describing regional security concerns from 2013 and 2022, respectively:

Kazakhstan's Security Positioning 2013 – Presidential Speeches of Nursultan Nazarbaev

Выступление Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева на XI Евразийском медиа-форуме. 25 апреля 2013 года. (Nazarbaev 2013a)

(...)

Наш регион Центральной Азии, как и мир в целом, вступает в полосу перемен.

В связи с этим проблематика **региональной безопасности**, особенно в её глобальном измерении будущего десятилетия, очень актуальна.

(...)

Я **абсолютно не считаю, что уже включён таймер обратного отсчёта, приближающего регион к некоему «часу X» в 2014 году, когда в Афганистане завершится активная фаза операции международных коалиционных сил.**

Уверен, что ничего подобного не произойдет.

(...)

В Центральной Азии действует многоуровневая и многоплановая система **региональной безопасности**, спроецированная по основным геополитическим векторам.

Её основные компоненты – **СВМДА, ШОС, ОДКБ, ОБСЕ** – сбалансированы, что придает целостность всей системе.

Способность их реагирования на кризисы регионального масштаба **достаточно высока.**

(...)

Казахстан, как вы знаете, стал местом проведения **переговоров** по одной из сложнейших проблем современного мира.

У нас в Алматы проходят **заседания группы в формате «5 плюс 1»**, на которых ведется поиск путей решения ситуации вокруг **иранской ядерной программы.**

(...)

Выступление Президента Казахстана Н.А.Назарбаева на конференции министров иностранных дел стран-участниц Стамбульского процесса. Алматы, 26 апреля 2013.

(Nazarbaev 2013b)

(...)

Завершается миссия Международных сил содействия безопасности в Афганистане.

(...)

По предложению участников встречи, было срочно созвано заседание Совета безопасности ООН.

(...)

Казахстан приложил немало усилий для содействия решению проблем Афганистана в ходе председательства в ОБСЕ.

(...)

Такая же линия проводилась и в рамках нашего председательства в СМВД ОИС.

Наша страна активно участвует в вопросах урегулирования проблем Афганистана в рамках Шанхайской Организации сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности.

Спектр проблем, связанных с Афганистаном, является одним из важных направлений взаимодействия Республики Казахстан и Североатлантического Альянса.

(...)

С начала операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане Казахстан оказывает содействие войскам коалиции в рамках реализации соглашений о транзите грузов с Альянсом, а также двусторонних договоренностей с США, Германией, Францией, Испанией и Великобританией.

Сейчас мы готовимся расширить транзитный потенциал для грузов НАТО за счет каспийского порта Актау.

(...)

Важную роль в этом процессе, на наш взгляд, должен играть Центрально-Азиатский региональный информационный координационный центр по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Эта уникальная структура, созданная в Алматы под эгидой ООН, уже зарекомендовала себя как эффективный механизм борьбы с трансграничной наркопреступностью в регионе.

Другой важной региональной проблемой остается угроза международного терроризма и религиозного экстремизма.

Афганистан продолжает оставаться источником и экспортером террористической и экстремистской деятельности, в том числе и в соседние страны.

(...)

Интервью Президента Казахстана Н.А.Назарбаева китайским СМИ - информационному агентству Синьхуа, газете "Жэньминь жибао" и международному Радио Китая. (Nazarbaev 2013с)

- Каких результатов от официального визита председателя КНР Си Цзиньпина ожидает казахстанская сторона? Какое значение этот визит имеет для дальнейшего развития двусторонних отношений?

(...)

Вместе с тем, подчеркну, что фундаментальные принципы наших добрых отношений остаются неизменными на протяжении многих лет.

Большие перспективы двустороннего взаимодействия будут заложены в текст Совместной декларации о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнерства между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой, которое будет подписано в ходе визита.

- Как вы оцениваете нынешнее состояние казахстанско-китайских отношений и их перспективы?

- Углубление сотрудничества с Китаем является одним из приоритетов казахстанской внешней политики. Можно выделить несколько ключевых факторов, которые делают наши отношения особенными.

Во-первых, это многообразие и эффективность форматов взаимодействия. Оно включает не только прямое двустороннее сотрудничество. Мы тесно работаем в рамках международных и региональных организаций, в том числе ШОС и СВМДА.

Все возникающие вопросы решаются в рамках переговоров. Налажена практика проведения регулярных консультаций в области безопасности, по ключевым региональным и международным проблемам.

(...)

- Какую роль имеет развитие ШОС для обеспечения региональной стабильности и регионального развития? Как вы считаете, в каких сферах страны ШОС должны расширить сотрудничество?

- Казахстан рассматривает ШОС как универсальный и многофункциональный механизм, гарант безопасности и стабильности в регионе, который занимает огромную территорию в Евразии.

Мы являемся сторонниками равномерного развития трех направлений: сферы безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества.

Сегодня перед государствами-членами ШОС стоит задача активизировать многостороннее экономическое сотрудничество. Это, по нашему мнению, - стратегический приоритет грядущего десятилетия деятельности Организации.

(...)

В современных условиях возрастает угроза использования информационно-коммуникационных технологий в террористических целях. Поэтому весьма актуальной представляется казахстанская инициатива о создании специального органа ШОС, выполняющего функции "Киберпола" по борьбе с кибертерроризмом и киберпреступностью.

Кроме того, ШОС должна оставаться ключевой площадкой для взаимодействия в сфере предупреждения и борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Работа в этом направлении уже доказала свою эффективность, и существует необходимость ее усиления -- институционального, организационного, правового.

Активно действует Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС. Учитывая опыт председательства Казахстана в ОБСЕ, имеется хорошая возможность для углубления контактов между Исполкомом РАТС ШОС и Антитеррористическим подразделением ОБСЕ.

Также полагаем необходимым расширять практическое взаимодействие РАТС ШОС с Контртеррористическим комитетом и Комитетом-1267 Совета безопасности ООН, Интерполом и Центральнoазиатским региональным информационно-координационным центром, действующим под эгидой Управления ООН по наркотикам и преступности.

В целом, Шанхайская организация является действенной площадкой для равноправного и взаимовыгодного сотрудничества наших стран. Уверен, что договоренность глав

государств о разработке и принятии Стратегии развития ШОС до 2025 года будет способствовать дальнейшему укреплению добрососедства и дружбы между нашими народами.

Kazakhstan Security Positioning 2022 – Presidential Speeches of Kassym-Jomart Tokaev

Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ. (Tokayev 2022a)

(...)

За несколько январских дней **Казахстан** пережил **масштабный кризис**.

Он стал **самым тяжелым** за всю 30-летнюю историю Независимости.

С реальной угрозой такого уровня не сталкивалась и наша Организация в целом.

Хочу поблагодарить нашего Председателя Никола Воваевича Пашиняна за оперативную работу по согласованию необходимых документов.

Особые слова **благодарности** хотел бы выразить **Президенту Российской Федерации** Владимиру Владимировичу Путину за проявленное понимание и быстрое решение вопроса об отправке **миротворческого контингента ОДКБ** в Казахстан.

С вами, уважаемый Владимир Владимирович, мы были на постоянной связи с первых дней **террористической** атаки на нашу страну.

(...)

Фактически, это первый случай, когда **миротворческий потенциал ОДКБ** был реально задействован для обеспечения **безопасности**, стабильности и целостности одного из государств-членов.

(...)

Стала очевидной главная цель: подрыв конституционного строя, разрушение институтов управления, захват власти.

Речь идет о попытке государственного переворота.

(...)

Мы объявили режим **контртеррористической операции**.

Казахстан обратился к **ОДКБ** с просьбой оказать содействие.

(...)

В целом хочу подчеркнуть, что ОДКБ показала свою востребованность и эффективность как авторитетная военно-политическая организация. Это реально работающий механизм обеспечения стабильности и безопасности наших государств.

(...)

Угрозы, с которыми столкнулся Казахстан, являются общими для всего пространства коллективной безопасности.

(...)

Мы должны повышать оперативность в вопросах разработки и принятия утверждающих Решений Совета коллективной безопасности и других органов.

(...)

Выступление Главы государства К.К. Токаева на заседании Мажилиса Парламента Республики Казахстан (Tokayev 2022d)

(...)

Во время недавних трагических событий абсолютное большинство наших сограждан проявили патриотизм, единство в борьбе с экстремистами.

(...)

Выступление Президента Касым-Жомарта Токаева на внеочередном XXII съезде партии «Nur Otan». 1 марта 2022 года. (Tokayev 2022c)

(...)

Все сказанное приобретает особое значение на фоне событий, происходящих вокруг Украины. Наша позиция должна исходить из критической необходимости обеспечения безопасности, суверенитета и территориальной целостности нашего государства.

Как страна, принявшая у себя саммит ОБСЕ в 2010 году, мы настаиваем на принципе неделимости евразийской безопасности. Об этом я заявил в ходе визита в Москву 10 февраля. Принцип неделимости и общности безопасности предполагает взаимное понимание на основе взаимного доверия. К сожалению, этого не произошло. Минские соглашения остались на бумаге, что привело к военным действиям на территории Украины.

Геополитическая ситуация беспрецедентным образом обострилась, и сейчас впору говорить о необратимости этой тенденции. Поэтому мы призываем оба государства к нахождению общего языка за столом переговоров, к достижению договоренности и согласия. Другого пути нет. Худой мир лучше доброй ссоры. Без мира не будет развития. (...)

Я провел серию рабочих совещаний в Совете Безопасности, поставил конкретные задачи перед Правительством по обеспечению устойчивого социально-экономического развития страны в условиях беспрецедентного обострения санкционного противостояния.

Наша экономика должна быть готова к отражению санкционных вызовов, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование в кризисной ситуации. Думаю, мы все вместе преодолеем грядущие трудности и вызовы. Их сложность нельзя преуменьшать, но и преувеличивать тоже нельзя. (...)

Выступление Президента К.К.Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии. 21 июля 2022 года. (Tokayev 2022d)

(...)

Поступательно расширяется взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество.

(...)

Незыблемым фундаментом долгосрочных взаимоотношений государств Центральной Азии остаются активные культурно-гуманитарные связи.

(...)

В настоящее время сотрудничество в Центральной Азии сталкивается с новыми вызовами. Они хорошо известны. Несмотря на это, наши взаимоотношения, уверен, выдержат испытание временем и в непростой геополитической ситуации станут еще более устойчивым. Страны региона достойно проявляют себя в переломный период нарастающей международной напряженности. Этому способствует наша прагматичная и сбалансированная внешняя политика. Испокон веков территории наших стран выступали важным связующим звеном между цивилизациями. И сегодня важнейшей миссией Центральной Азии, на мой взгляд, является наведение мостов между конкурирующими полюсами глобальной политики и экономики. Рано или поздно

период геополитической конфронтации закончится, а возведенные мосты останутся. Они станут бесценным наследием для будущих поколений наших братских народов. Исходя из общих интересов, предлагаю сосредоточиться на решении следующих фундаментальных задач.

ПЕРВОЕ. Ключевым вопросом повестки дня остается укрепление взаимодействия в сфере безопасности и дипломатии. Это крайне необходимо с целью обеспечения надлежащих условий для процветания народов Центральной Азии. Центрально-Азиатский регион должен стать обширной зоной устойчивого социально-экономического развития, всестороннего сотрудничества, мира и процветания. Для совместной выработки решений по предупреждению угроз безопасности следовало бы запустить механизм регулярных консультаций Секретарей Советов Безопасности. Кроме того, предлагаю поручить министрам иностранных дел на регулярной основе, минимум раз в полгода, проводить совещания для выработки согласованных подходов к ключевым вопросам региональной и международной проблематики. Что касается сотрудничества с внерегиональными стратегическими партнерами, то Казахстан считает возможным принятие Концепции взаимодействия государств Центральной Азии в рамках многосторонних форматов. На мой взгляд, мы не должны замыкаться в зафиксированных географических пределах. В работе Консультативных встреч лидеров Центральной Азии могли бы принимать участие в качестве приглашенных гостей высокие представители и других сопредельных государств, например, России и Китая. Уверен, это пойдет на пользу странам Центральной Азии, особенно при рассмотрении конкретных вопросов.

(...)

Выступление Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева на заседании Совета глав государств – членов ШОС в расширенном формате. 16 сентября 2022 года. (Tokayev 2022e)

(...)

Состав участников Шанхайской организации сотрудничества постоянно расширяется. Это убедительно свидетельствует о неуклонно растущем международном авторитете и влиянии нашей Организации.

Современный мир вступил в опасный период серьезного обострения международной ситуации, где на первый план вышли методы санкционного давления, а также конфронтационные подходы к решению узловых глобальных проблем.

(...)

Деятельность ШОС убедительно показала актуальность основополагающих принципов, сформулированных в ее уставных документах: борьба против «трех зол», то есть экстремизма, терроризма, сепаратизма; а также защита суверенитета и территориальной целостности государств; невмешательство во внутренние дела.

Основным приоритетом ШОС остается укрепление региональной безопасности.

Необходимо продолжить реализацию ранее принятых документов предусматривающих совместную деятельность в данной актуальной сфере. Поэтому предлагаю наращивать сотрудничество в военно-политической сфере между оборонными ведомствами и специальными службами.

Важную роль здесь может сыграть укрепление взаимодействия ШОС с Центральноазиатским региональным информационным координационным центром.

(...)

Нам предстоит преобразовать ШОС в глобальную экономическую платформу.

(...)

Это убедительное свидетельство высокой востребованности Организации. На мой взгляд, ШОС – это самая успешная международная организация из всех существующих в современном мире.

(...)

Выступление Президента К.К. Токаева на Общих дебатах в рамках 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 20 сентября 2022. (Tokayev 2022f)

(...)

Архитектура безопасности сходит на нет.

С пугающей скоростью растет взаимное недоверие между мировыми державами.

Мир пал жертвой нового витка военных конфликтов.

Впервые за два поколения мы столкнулись с опасностью применения ядерного оружия, причем не в качестве крайней меры.

(...)

Таким образом, необходимо наладить честный диалог между Востоком и Западом, а также установить новую глобальную парадигму безопасности, основанную на принципах взаимного доверия и многостороннего сотрудничества.

Учитывая текущую кризисную ситуацию и усиление геополитического противостояния, существует острая необходимость в процессе под эгидой ООН, который будет вести работу по ослаблению международной напряженности и предотвращению конфликтов. В прошлом Казахстан значительным образом пострадал от испытаний ядерного оружия, поэтому мы прекрасно понимаем опасность усиления напряжения в отношениях между ядерными державами.

(...)

Мы намерены продолжать совместную работу со всеми заинтересованными сторонами для решения вопросов актуальной региональной повестки, которые включают проблемы изменения климата, Аральского моря, рационального использования водных ресурсов, делимитации границ, борьбы с экстремизмом и расширения внутрирегиональной торговли.

Поэтому мы считаем важным открыть Региональный центр ООН по ЦУР для Центральной Азии и Афганистана в городе Алматы.

(...)

В этом году исполняется 30 лет установлению партнерства между Казахстаном и ООН.

ООН внесла большой вклад в формирование и укрепление независимого Казахстана.

(...)

Kyrgyzstan's Security Positioning 2013 – Presidential Speeches of Alzambek Atambayev

No speeches mentioned regional security

Kyrgyzstan's Security Positioning 2022 – Presidential Speeches of Sadyr Japarov

Президент Садыр Жапаров: Проводя политику мира и добрососедства, Кыргызстан прилагает максимальные усилия для сохранения стабильности в регионе. 31 марта 2022. (Japarov 2022a)

(...)

Выражаю уверенность, что итогами учений станут возросшее мастерство личного состава, еще большая сплоченность действий разнородных сил и средств, а также **новые ориентиры в деле совершенствования системы** обеспечения **безопасности**.

Как вы знаете, современные вызовы и **угрозы** носят **комплексный и межрегиональный** характер. Особую озабоченность вызывает сохраняющийся высокий уровень **террористической и религиозно-экстремистской угрозы** странам Центральной Азии, особенно в связи с ситуацией в **Афганистане**.

(...)

В этом контексте **необходимо** **осуществление комплекса государственных мер**, направленных на развитие системы обеспечения **национальной безопасности**, способной оперативно и адекватно реагировать на существующие и прогнозируемые угрозы.

Одним из важных условий противодействия **международному терроризму** является сочетание практики силового подавления незаконных вооруженных формирований с политикой **дерадикализации** населения и предупреждения террористических проявлений.

Мы считаем, что нам необходимо работать совместно со всеми соседними странами, чтобы предотвратить угрозы. Наша страна проводит политику мира и добрососедства со всеми соседними странами и прилагает максимальные усилия для сохранения стабильности в регионе. Правоохранители и специальные службы продолжают

выявлять и обезвреживать членов международных террористических организаций и адептов экстремистских течений.

(...)

Для обеспечения национальной и региональной безопасности мной принят ряд решений и отданы соответствующие поручения, которые значительно повысили потенциал силовых и правоохранительных структур и определили их темп развития.

На мероприятии, свидетелями которого мы стали, наблюдается темпы развития обеспечения безопасности и наращивания потенциала структур.

(...)

Президент Садыр Жапаров: Имеется четкое понимание, что совместными усилиями Кыргызстан и Казахстан обеспечат дальнейшее наращивание комплекса двусторонних связей. 26 мая 2022. (Japarov 2022b)

(...)

Хотел бы отметить, что между нашими странами нет политических противоречий — это главное. Имеется четкое понимание того, что совместными усилиями Кыргызстан и Казахстан обеспечат дальнейшее наращивание комплекса двусторонних связей, а также конструктивного взаимодействия в рамках межрегиональных и международных структур в русле укрепления региональной стабильности и безопасности».

Президент Садыр Жапаров выразил удовлетворение итогами переговоров с Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым. 26 мая 2022. (Japarov 2022c)

(...)

Также обменялись мнениями по региональной и международной тематике, которая представляет взаимный интерес, наметили совместные действия в формате многостороннего сотрудничества. Кыргызстан и Казахстан в очередной раз подтверждают схожесть позиций и необходимость консолидации общих усилий в борьбе с новыми вызовами и угрозами регионального и международного характера в складывающейся геополитической ситуации, в том числе по противодействию

терроризму, экстремизму, организованной преступности и незаконному обороту наркотиков. Кыргызстан и Казахстан придерживаются единых стремлений — укреплять взаимодействие в рамках ООН, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и других международных организаций.

(...)

Президент Садыр Жапаров: В нынешних кризисных условиях международных отношений страны ЦА будут еще более тесно сотрудничать, чтобы продвигать общие интересы региона на мировой арене. 21 июля 2022. (Japarov 2022d)

(...)

Кыргызстан поддерживает формат Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, который является проводником общерегионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной сферах и в международных делах.

Считаю, что в нынешних кризисных условиях международных отношений, наши страны будут еще более тесно сотрудничать с тем, чтобы защищать и продвигать общие интересы региона на мировой арене.

К сожалению, международная обстановка не вселяет оптимизма, как с точки зрения глобальной безопасности, так и мировой экономики.

Сегодня перед государствами Центральной Азии сохраняются традиционные вызовы и угрозы безопасности, появились их новые гибридные формы.

В этой связи не могу не затронуть очень важный вопрос, который продолжает оказывать значительное влияние на региональную безопасность в Центральной Азии. Я имею в виду ситуацию в Афганистане. К сожалению, ситуация там продолжает оставаться сложной и непредсказуемой.

(...)

Надеюсь, мы согласованно будем двигаться по афганской проблеме, активно взаимодействовать между собой, особенно с ООН и странами региона в целях обеспечения мира и стабильности в Афганистане, оказывать афганскому народу необходимую гуманитарную и экономическую помощь, содействовать его борьбе с международным терроризмом, наркотиками и в вопросах обеспечения региональной

безопасности и стабильности, на принципах невмешательства во внутренние дела. Кыргызстан со своей стороны готов активно содействовать этому процессу.

(...)

Президент Садыр Жапаров: Кыргызская Республика, как одно из государств-учредителей ШОС, придает важное значение углублению всестороннего сотрудничества в рамках Организации. 16 сентября 2022. (Japarov 2022e)

(...)

На сегодняшний день наша Организация (ШОС), объединяющая почти половину населения Земли и четверть мирового валового внутреннего продукта, превращается в динамично растущее трансрегиональное объединение, которое успешно выполняет поставленные государствами-членами цели и задачи, а именно: укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства, безопасности и стабильности; совместное противодействие вызовам и угрозам; содействие экономическому росту, социальному и культурному развитию стран и народов на пространстве ШОС», - сказал он.

(...)

Выступление Президента Садыра Жапарова на девятом заседании Саммита лидеров стран-участниц ОТГ. 11 ноября 2022. (Japarov 2022f)

Президент Кыргызской Республики Садыр Жапаров сегодня, 11 ноября, выступил на девятом заседании Саммита лидеров стран-участниц Организации тюркских государств (ОТГ), которое проходит в г. Самарканд (Республика Узбекистан).

(...)

Тема сегодняшнего мероприятия — „Новая эра тюркской цивилизации — вместе к общему развитию и процветанию“. За последние два-три года в мире появляются различные вызовы международного значения. Наряду с нынешней нестабильной ситуацией в мире на передний план выходят вопросы региональной безопасности.

Безусловно, такая тревожная ситуация требует от наших стран тесного сотрудничества, взаимного уважения и консолидации общих усилий.

(...)

Выступление Президента Садыра Жапарова на Первом Народном Курултае страны.

25 ноября 2022. (Japarov 2022g)

(...)

Глобальное распространение пандемии **COVID-19** и последовавшие за ней политические события оказали негативное влияние на экономику и **безопасность** стран мира, в котором сейчас происходят неожиданные изменения и повороты.

Новые угрозы и проблемы возникли у всех стран, в том числе и Кыргызстана.

Одной из них является вопрос **безопасности**.

Последние события, угрожающие целостности нашего государства, взволновали и обеспокоили каждого кыргызстанца.

Откровенно говоря, основной причиной трагических событий, где в столкновениях оборвались жизни наших **пограничников и местных жителей**, стало то, что процессы по уточнению линий границ не были доведены до конца и растянулись на длительное время.

(...)

Вы прекрасно понимаете, что современные вызовы, связанные с **безопасностью**, **требуют** от нас **укрепления обороноспособности**, и в этих целях вновь создано Министерство обороны и проводится **усиление нашей армии**.

(...)

**Tajikistan Security Postitioning 2013 – Presidential Speeches of Emomalij
Rahmon**

**Выступление на встрече с дипломатическими работниками страны по случаю
открытия нового здания Министерства иностранных дел Республики Таджикистан.**

15.03.2013. (Rahmon 2013b).

(...)

Республика Таджикистан, последовательно претворяя в жизнь политику «открытых дверей», считает возможным создание эффективных средств сочетания национальных интересов с международными усилиями, объединения этих усилий в деле адекватного

противостояния угрозам и вывозам современного мира.

Такой подход в рамках процессов единой международной жизни даст возможность для создания равных условий, **всеохватной системы безопасности** и достойного положения для каждой из стран и народов, независимо от их роли, места и влияния в геополитическом раскладе сил.

В то же время перманентный характер развития процесса политической и экономической интеграции стал характерной чертой международных отношений. (...)

Активное участие нашего государства в деятельности международных мировых и региональных организаций вытекает из необходимости, связанной с тем, чтобы внося посильный вклад в укрепление **международной безопасности** и стабильности, приоритетно обеспечить защиту своих интересов; а также привлечь технологические, экономические, политические и интеллектуальные возможности для достижения долгосрочных целей внешней политики Таджикистана - создания благоприятных условий для успешной реализации реформ внутри страны и дальнейшего развития суверенного Таджикистана.

Мы заявляем о своей **приверженности утверждению нового миропорядка** и впредь также будем опираться на международные политические структуры и организации безопасности в мировом и региональном масштабах - Организацию Объединённых Наций, **Шанхайскую Организацию Сотрудничества**, Организацию безопасности и сотрудничества в Европе, Организацию Договора о коллективной безопасности, Организацию Исламского Сотрудничества. (...)

К сожалению, с завершением периода «холодной войны» конфликтное пространство намного расширилось, широкое распространение получают гонка вооружений и **международный терроризм, политический экстремизм, фундаментализм, сепаратизм, контрабанда наркотиков, организованная транснациональная преступность, распространение оружия массового поражения и его составных компонентов**, что в целом угрожает национальной, региональной и глобальной **безопасности**.

(...)

Таджикистан, в силу своего географического положения, находясь в центре пересечения геополитических интересов мощных мировых сил, в современных условиях и в обозримом будущем намерен проводить целенаправленную политику и в дальнейшем следовать стратегии **многостороннего сотрудничества**.

(...)

Важнейшая задача внешней политики, заключается в создании пояса доверия и **безопасности** на протяжении **всей границы страны** путем развития и укрепления добрососедских отношений со всеми сопредельными странами.

В этих целях Республика Таджикистан в межгосударственных отношениях со сопредельными государствами руководствуется политикой дружбы, добрососедства, невмешательства во внутренние дела друг друга и в решении спорных вопросов, в том числе пограничных и водно-энергетических, отдаёт абсолютное предпочтение мирным средствам, их решения то есть переговорам и диалогу.

Мы и в дальнейшем будем выдвигать мирные инициативы в целях урегулирования конфликтных ситуаций, и принимать конструктивное участие в их **мирном разрешении**.

В системе межгосударственных отношений Таджикистана соседние страны и государства региона занимают приоритетное положение. Мы являемся сторонниками дальнейшего приумножения позитивного, многовекового и созидательного опыта дружественного сосуществования народов Центральной Азии.

(...)

Руководство Республики Таджикистан считает **активное региональное сотрудничество** важнейшим средством решения экономических, социальных, экологических проблем и вопросов обеспечения **безопасности** в Центральной Азии, и этот подход в течении последних двадцати лет не раз был продемонстрирован в нашей политической практике.

В русле созидательного **сотрудничества** и взаимного доверия мы сможем противостоять глобальным современным вызовам и угрозам в нашем **регионе**.

Мы уверены, что созидательная региональная интеграция пойдёт во благо государств и народов всей Центральной Азии и каждой центрально-азиатской страны в отдельности.

Если мы обратим свои взоры на юг, то ещё раз убедимся, что установление прочного мира в соседнем Афганистане, спокойствия, безопасности политической, стабильности в этой стране отвечают национальным интересам Таджикистана.
(...)

С учётом ведущей роли России в мире и регионе, развитие и укрепление традиционных отношений дружбы и сотрудничества с этой державой имеют особое значение.

Таджикистан ещё с 19-го века находится с Россией в едином геополитическом, политическом и торгово-экономическом пространстве. Активизация связей с Россией на основе равенства, взаимной выгоды и стратегического партнёрства в сферах политической, военной, торгово-экономической деятельности, предпринимательства, трудовой миграции, культуры, науки, образования и других и сегодня отвечают национальным интересам Республики Таджикистан, являясь важным фактором региональной безопасности.

Наша страна не забыла важнейшую позитивную роль России в преодолении внутреннего конфликта в Таджикистане и установлении мира и стабильности на нашей земле.

(...)

Этому способствует единство слова и дела Правительства Китая в части развития многопланового сотрудничества с соседним Таджикистаном, а также совпадение или близость позиций двух государств по вопросам региональной и мировой политики.

Именно поэтому, активизация отношений во всех сферах отвечает интересам не только Таджикистана и Китая, но и укрепления мира и стабильности всего региона, и мы в дальнейшем будем целенаправленно продвигать этот процесс как стратегическое направление нашего сотрудничества.
(...)

В то же время **безопасность Центральной Азии** нельзя **представить без обеспечения безопасности в Афганистане**. Наши многоплановые связи с Соединёнными **Штатами Америки** в этом направлении и в дальнейшем будут оставаться важным фактором. (...)

Таджикистан считает **ЕвроСоюз**, способствующего привлечению зарубежных инвестиций в приоритетные сферы национальной экономики, в том числе энергетику и сельское хозяйство, социальное развитие, охрану окружающей среды и **охрану государственных границ**, одним из важных экономических партнёров, и в дальнейшем будет на основе взаимной выгоды стремиться к развитию долгосрочного устойчивого сотрудничества с этим влиятельным межгосударственным объединением. (...)

С началом антитеррористической операции в Афганистане вот уже более десяти лет, как в политической сфере отношений Таджикистана и Пакистана создались благоприятные условия для реального обоюдовыгодного сотрудничества между двумя странами.

Для Таджикистана имеют большое значение торгово-экономические возможности Пакистана, его геостратегическое положение и влияние в Южно-Азиатском регионе и в исламском мире. Поэтому мы и впредь будем направлять наши усилия на укрепление отношений с Пакистаном и в нашей совместной **борьбе против современных угроз, в особенности терроризма, экстремизма и контрабанды наркотиков, будем целенаправленно наращивать взаимодействие.**

Это сотрудничество приобретает особое значение в рамках трёхсторонних отношений с Афганистаном, ибо оно направлено не только на решение проблем Афганистана, но еще и демонстрирует новые созидательные образцы взаимоотношений в регионе. В рамках этого сотрудничества скорейшая реализация таких проектов, как линия электропередач КАСА- 1000, безусловно, еще больше укрепит фундамент наших отношений. (...)

Во внешней политике нашего государства с первых годов независимости, наряду с двусторонними отношениями, особое значение имеют и многосторонние отношения в рамках региональных и международных организаций. В этом плане наше взаимодействие с ООН, ШОС, ОБСЕ, ОДКБ, Организацией Исламского Сотрудничества,

Организацией Экономического Сотрудничества и международными финансовыми учреждениями, как и в прежние годы, должно иметь приоритетное значение.

Сотрудничество Таджикистана с международными и региональными организациями направлено на **создание благоприятных условий для дальнейшего укрепления государственной независимости, сохранения территориальной целостности**, укрепления позиции нашей страны в мировом сообществе и её активного участия в глобальных процессах.

Республика Таджикистан является сторонником долгожительства **Организации Объединённых Наций** и укрепления её консолидирующей роли в XXI веке. Ибо эта организация является уникальным средством для совместного нахождения баланса интересов и единственным глобальным органом, наделённым правом принятия легитимных решений в связи с коллективными операциями по защите мира и международного порядка посредством повышения эффективности и ответственности своего **Совета Безопасности**. Поэтому мы являемся сторонниками конструктивной реформы этой важнейшей структуры ООН и желаем повышения её роли в решении коренных проблем человечества.
(...)

Активное участие Таджикистана в **Шанхайской Организации Сотрудничества** обусловлено необходимостью укрепления добрососедских отношений, доверительных и дружественных связей между государствами - членами и наблюдателями, а также обеспечения безопасности и стабильности и устойчивого экономического развития в регионе.

На наш взгляд, возможности этой организации в плане развития взаимовыгодного экономического сотрудничества используются ещё в недостаточной мере.

Приоритетное направление в деятельности **ШОС** мы видим в развитии экономических связей, реализации инфраструктурных проектов, осуществлении экологического сотрудничества и расширении культурного диалога.

Таджикистан является сторонником того, чтобы в рамках этой организации в **борьбе против терроризма, политического экстремизма и сепаратизма** – наряду с полноправными членами – активное участие принимали и государства - наблюдатели, а также партнёры по диалогу. В то же время точное и неукоснительное выполнение государствами - членами своих обязанностей, вытекающих из Хартии организации, остаётся настоящим требованием дня.

В сложных условиях минувших лет наше сотрудничество в области безопасности имело жизненно важное значение, и в этом направлении очень значима наша деятельность в рамках Организации Договора о коллективной безопасности в борьбе с глобальными угрозами и в деле обеспечения безопасности жителей страны. Поэтому мы будем укреплять свое членство в этой организации посредством активного участия во всех его мероприятиях и будем стремиться к обеспечению подлинно коллективной безопасности наших стран.

Республика Таджикистан заинтересована в развитии плодотворного **сотрудничества с Организацией Безопасности и Сотрудничества в Европе** и его структурами. Наше государство будет использовать богатый опыт этой организации в деле демократизации общества, создания демократических институтов, защиты основных прав и свобод человека и построения подлинно правового государства на базе социально ориентированной рыночной экономики, решения злободневных экономических и экологических проблем.

Таджикистан с февраля 2002 года является участником программы **НАТО** «Партнёрство во имя мира» и считает важным и в дальнейшем в её рамках поддерживать активные отношения в интересах сохранения **безопасности** и стабильности.
(...)

Проблематика национальных интересов Республики Таджикистан во внешнеполитической сфере в последние годы всё чаще становится предметом дискуссий в различных научных, общественных и политических кругах. Что же из себя представляют эти интересы на данном этапе и в ближайшем будущем?

Прежде всего, они предполагают защиту и укрепление государственной независимости, **обеспечение национальной безопасности**, создание благоприятных условий для устойчивого развития экономики и постепенного повышения уровня жизни народа, обеспечение энергетической независимости страны, достижение продовольственной безопасности, вывод страны из транспортно - коммуникационного тупика, защита чести, прав, свобод и интересов граждан Таджикистана внутри страны и за её рубежами.
(...)

Заявление для прессы Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по итогам таджикско-австрийских переговоров. 13.03.2013. (Rahmon 2013a)
(...)

В сфере **безопасности** наши страны продемонстрировали схожесть позиций в продолжении **партнерства** в борьбе против терроризма, контрабанды наркотических средств и других форм транснациональной преступности в рамках структур многостороннего сотрудничества.
(...)

Совместное заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона и Президента Кыргызской Республики Алмазбека Атамбаева. 27.05.2013. (Rahmon 2013d)
(...)

Дальнейшее всестороннее укрепление добрососедских отношений и **союзнчества Таджикистана и Кыргызстана** служит национальным интересам обоих государств, **поддержанию региональной безопасности** и **стабильности в Центрально-Азиатском регионе**.
(...)

Главы государств (далее - Стороны) заявляют о следующем:
(...)

3. Касаясь актуальных международных вопросов, Стороны подчеркнули обоюдное

стремление содействовать укреплению мира и стабильности, установлению атмосферы доверия и взаимопонимания в региональном и глобальном масштабах. Стороны, подчеркнув приверженность своих стран общепризнанным принципам и нормам международного права, высказались за дальнейшее тесное партнерство и взаимную поддержку в рамках ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС, ОДКБ и других международных и региональных институтов многостороннего взаимодействия, участниками которых являются Республика Таджикистан и Кыргызская Республика.

4. Для обеспечения взаимной безопасности, тесного взаимодействия в борьбе с международным терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью, наркобизнесом, нелегальной миграцией и другими вызовами и угрозами национальной безопасности, Стороны намерены укреплять и углублять взаимодействие во внешнеполитической, военной и военно-технической областях, в сферах обеспечения безопасности, направленное на защиту суверенитета и территориальной целостности двух государств, продолжать работу по совершенствованию договорно-правовой базы и выработке эффективных схем сотрудничества на этих направлениях.

(...)

Заявление Президента Таджикистана Эмомали Рахмона для прессы по окончании переговоров с Президентом Кыргызской Республики Алмазбеком Атамбаевым. 27.05.2013. (Rahmon 2013c)

(...)

В этом ракурсе тесное взаимодействие и эффективное сотрудничество наших соответствующих структур в борьбе с вызовами и угрозами современности - терроризмом, экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков являются императивом времени.

Обе стороны выразили готовность и заинтересованность в координации позиций, действий и взаимоподдержке на таких многосторонних авторитетных площадках, как ООН, ОБСЕ, ШОС, СНГ, ОДКБ и в рамках других межгосударственных и международных структур и организаций.

(...)

Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на встрече с руководителями и активом. 20.06.2013. (Rahmon 2013e)

(...)

Борьба с преступностью, особенно предотвращение и устранение террористических и экстремистских преступлений, незаконного оборота наркотических веществ, организованной транснациональной преступности являются одной из основных задач органов правопорядка и военных структур, за последние годы данными структурами и органами в совместном сотрудничестве приняты необходимые меры в направлении сокращения уровня преступности.

(...)

Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона для прессы по итогам встречи с Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. 02.08.2013. (Rahmon 2013g)

(...)

Одним из важнейших вопросов в нашем военном и военно-политическом сотрудничестве с Россией является сейчас ратификация подписанного в прошлом году Соглашения о статусе и условиях пребывания российской военной базы в Таджикистане.

Хочу сказать, что наше отношение к этому вопросу самое серьёзное, и мы решительно настроены выполнить взятые на себя обязательства. Поэтому с решением теперь ряда взаимосвязанных с вопросом базы проблем и с возвращением с каникул парламента страны этот вопрос найдёт своё решение осенью текущего года.

В русле постоянных политических контактов мы рассмотрели ряд вопросов регионального и международного характера, в том числе ситуацию в регионе и в Афганистане. В центре нашего внимания были вопросы обеспечения глобальной и региональной безопасности.

В контексте этого было подчеркнуто значение военного и военно-технического сотрудничества двух стран как фактора сохранения региональной стабильности и безопасности. Значение этого фактора возрастает с учётом вывода войск международной коалиции из Афганистана в 2014 году с перспективой многовариантного развития событий.

Таджикистан и Россия, как члены **ОДКБ**, естественно, предпринимают шаги по укреплению границы с Афганистаном. Кроме того, Таджикистан имеет конструктивное и эффективное сотрудничество с силовыми структурами Афганистана, что также немаловажно в свете предстоящих событий.

(...)

Выступление по случаю Дня государственной независимости. 07.09.2013. (Rahmon 2013f)

(...)

С расширением этих процессов и тенденций, которые, судя по анализу и прогнозам, будут затяжными, сохраняются опасность и угроза для **безопасности региона и мира**. Даже сегодня с использованием силы и других разрушительных средств, в том числе **терроризма, экстремизма и деятельности транснациональных преступных групп**, а также путем расширения информационных войн растут усилия по вмешательству во внутренние дела суверенных государств.

Поэтому, в условиях возрастания угроз и опасностей современного мира вопрос обеспечения национальной и государственной **безопасности** приобретает первостепенное и жизненно важное значение, такая ситуация требует от каждого работника и сотрудника государственных структур и органов, в том числе правоохранительных органов, военных структур, всех государственных служащих, а также каждого честного и достойного представителя нации еще большей ответственности, чуткости и бдительности.

(...)

Выступление на заседании совета глав государств-членов ШОС. 13.09.2013. (Rahmon 2013h)

(...)

Меняется не только мир, но и комплекс глобальных угроз и вызовов, с которыми в наши дни сталкивается мировое сообщество и которые в той или иной степени отражаются на положении дел в регионе ответственности ШОС. Касается ли это драматических перемен

на севере африканского континента или негативных последствий изменения климата, стремительного распространения инфекционных болезней или опасных проявлений «трех зол». Накопленный опыт и общее стремление коллективно решать стоящие перед нами проблемы, позволяют ШОС эффективно реагировать на современные вызовы и угрозы.

В частности, мы с удовлетворением отмечаем взаимодействие компетентных органов в области безопасности, прежде всего, в борьбе с международным терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, которое укрепляется из года в год. Активно развивается военное сотрудничество в рамках ШОС, имеющее четко выраженную антитеррористическую направленность. Качественно улучшилось взаимодействие на антинаркотическом направлении.

(...)

Дружественная Исламская Республика Афганистан в 2014 году стоит перед новыми испытаниями и ожидает нашей поддержки. Мы уверены, что братский афганский народ, поддерживаемый государствами-членами ШОС, на которых ложится большая ответственность за дальнейшее развитие событий, а также всем мировым сообществом, успешно справится с предстоящими трудностями и, продемонстрирует миру свое стремление возродить Афганистан, известный миру своей богатой историей и самобытной культурой. Мы обязаны на этом важнейшем этапе истории Афганистана морально и материально поддержать нашего соседа.

Вместе с государствами - друзьями афганского народа, Таджикистан продолжит вносить свой практический вклад по мере своих возможностей в дело экономического подъема и развития соседнего государства.

(...)

Одной из особенностей нашего времени является тесная взаимосвязь основных направлений деятельности нашей Организации: эффективно обеспечивая стабильность, мир и безопасность в регионе, мы совместными усилиями оказываем долгосрочное воздействие на устойчивое развитие на всем евразийском пространстве. Улучшение жизни населения, в конечном счете, и является важнейшей задачей всех государств-членов ШОС.

(...)

Думается, что это одна из главнейших задач Организации, ибо Хартия ШОС прямо указывает на «эффективное использование имеющейся инфраструктуры в области транспорта и коммуникаций, совершенствование транзитного потенциала государств-членов.... расширение взаимодействия в области спорта и туризма». Очевидно, что без создания Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС, либо иного эффективного механизма финансового сопровождения, мы не сможем обеспечить реализацию ожидающих своего часа **региональных проектов**.

(...)

Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона для прессы по итогам саммита ШОС. 13.09.2013. (Rahmon 2013i)

(...)

В этом контексте мы ещё раз признали необходимость реформирования ООН в интересах дальнейшего повышения результативности её деятельности и считаем, что этот процесс должен осуществляться без форсирования тех вариантов реформы, которые не получили поддержку большинства стран-членов Организации Объединённых Наций.

(...)

Республика Таджикистан на завершившемся саммите с **удовлетворением отметила высокий уровень взаимодействия компетентных органов государств-членов в области безопасности**, прежде всего, в борьбе с международным **терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом**, которое укрепляется из года в год.

(...)

В свете предстоящих в 2014 году политических событий в Исламской Республике Афганистан и вывода международных сил безопасности из страны это дружественное государство ожидает нашу поддержку. Вместе с государствами-друзьями афганского народа Республика Таджикистан продолжит вносить свой практический вклад по мере своих возможностей в дело экономического возрождения и развития соседней страны.

(...)

Выражая удовлетворение проделанной на бишкекском саммите коллективной работой,

мы ещё раз подтверждаем, что Таджикистан глубоко заинтересован в укреплении многопланового сотрудничества в рамках нашей Организации.

Председательство Шанхайской Организации Сотрудничества на предстоящий период перешло к Таджикистану. Поэтому хотел бы выразить искреннюю признательность всем государствам-членам за доверие и избрание Таджикистана руководителем ШОС на предстоящий период.
(...)

Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на открытом заседании сессии совета коллективной безопасности государств-членов ОДКБ. 23.09.2013. (Rahmon 2013j).

(...)

В контексте нашей общей заинтересованности в укреплении – с использованием потенциала ОДКБ – таджикско-афганского участка внешней границы Организации сегодняшняя наша встреча предоставляет хорошую и своевременную возможность для обмена мнениями по всей совокупности интересующих нас вопросов.

(...)

Недавнее пребывание в нашей стране группы экспертов ОДКБ позволило, наконец – то, сдвинуть вперёд вопрос адекватной, существенной военно-технической помощи погранвойскам Таджикистана для укрепления охраны таджикско-афганского участка внешней границы Организации и перевести его на плоскость практических действий.

(...)

Сегодня совершенно очевидна актуальность усиления охраны таджикско-афганской границы, которая многократно возрастает в свете предстоящего вывода международных военных сил с территории Афганистана. Сценарии развития ситуации в этой соседней с нами стране после 2014 года многовариантны, и мы должны быть готовы ко всему.

Складывающиеся сегодня в регионе реалии делают для нас крайне важным не только вопрос переоснащения нашей армии современными видами вооружения и техники, но и вопрос активного плодотворного взаимодействия в рамках ОДКБ в относительно

быстром и серьёзном материально-техническом укреплении охраны границы на её таджикско-афганском участке.

(...)

Именно в этом деле мы рассчитываем на помощь наших друзей, и прежде всего на материально-техническое содействие ОДКБ.

Заявление для прессы Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по итогам встречи и переговоров с Президентом Исламской Республики Афганистан Хамидом Карзаем. 21.10.2013. (Rahmon 2013k)

(...)

Стороны придерживаются мнения, что реализация этих проектов выведет двустороннее и региональное сотрудничество на качественно новый уровень, будет активно способствовать ускоренному восстановлению и экономическому развитию Афганистана, укреплению мира, стабильности на его территории и в Центральноазиатском регионе.

Мы считаем необходимым еще больше укреплять связи, военное и пограничное сотрудничество, а также взаимодействие в сфере безопасности в целях предотвращения современных угроз и укрепления совместной границы как границы дружбы и сотрудничества.

Наша протяженная граница, которая составляет около 1400 км и её труднопроходимая горная природа требуют усиления таких мер.

(...)

Мы подчеркнули необходимость последовательного расширения регионального сотрудничества, назвав доброжелательность, обоюдное уважение, конструктивный поход и добрососедство основными факторами его обеспечения, укрепления стабильности и безопасности в регионе.

(...)

В ходе обсуждения нынешней ситуации исламского мира мы подчеркнули необходимость оперативного решения имеющихся проблем, стабильности и

безопасности.

(...)

Таджикистан является сторонником укрепления стратегии борьбы с терроризмом, воинствующим экстремизмом, контрабандой наркотических средств, региональными и международными угрозами и вызовами. В этом плане Таджикистан подчеркнул, что с учетом перспектив ситуации в после вывода международных сил по поддержанию мира 2014 году, укрепит и расширит свое эффективное сотрудничество со всеми органами соседней страны, в том числе в военной и пограничной сферах и в области безопасности.

В настоящее время мы считаем необходимым укреплять международную систему в целях обеспечения стабильности и безопасности в мире.

(...)

Tajikistan's Security Positioning 2022 – Presidential Speeches of Emomalij Rahmon

Речь на пресс-конференции по завершении переговоров с Президентом Арабской Республики Египет Абдулфаттахом Ас-Сиси. 10.03.2022. (Rahmon 2022b)

(...)

Таджикистан и Египет выразили готовность к взаимовыгодному сотрудничеству в вопросах региональной безопасности, противодействия угрозам и вызовам современного мира и в других областях, представляющих взаимный интерес.

Признано необходимым дальнейшее расширение сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом оружия и наркотиков, киберпреступностью, транснациональной организованной преступностью и другими угрозами, представляющими угрозу международной и региональной стабильности.

Состоялся подробный обмен мнениями по вопросам безопасности и путям скорейшего прекращения конфликтов на Среднем Востоке, в Северной Африке и Афганистане.

(...)

Речь в Каирском университете. 10.03.2022. (Rahmon 2022с)

(...)

Сегодня все мировое сообщество сталкивается с беспрецедентными угрозами безопасности.

Миллионы людей в разных уголках мира столкнулись с угрозой войны и терроризма, а терроризм и экстремизм как деструктивные явления привели к негативным политическим, социальным и нравственным последствиям.

Деятельность террористических и экстремистских организаций в глобальном масштабе приобрела транснациональный характер и охватывает практически все страны мира.

В настоящее время международный терроризм и экстремизм ослабили основы международной безопасности и вызывают нестабильность в различных частях мира.

Центрально-Азиатский регион также не застрахован от глобальных угроз и вызовов, и Таджикистан, в силу своего географического положения, находится на переднем крае борьбы с этими угрозами.

В этом контексте обеспечение национальной безопасности и стабильности в регионе является одним из наших обязательных приоритетов.

Безопасность стран Центральной Азии неразрывно связана, прежде всего, с ситуацией в Афганистане, обеспечением мира и стабильности в этой близкой соседней для нас стране и созданием благоприятных условий для ее мирного развития.

Ситуация в Афганистане, к сожалению, остается напряженной и имеет тенденцию к дальнейшему обострению.

(...)

Расширение деятельности различных террористических, экстремистских и радикальных группировок в Афганистане привело к росту угроз безопасности в регионе.

В сфере безопасности, принимая во внимание стоящие перед нами общие цели и задачи, очень важно расширять сотрудничество и обмениваться информацией и опытом между Таджикистаном и Египтом в вопросах борьбы с терроризмом, экстремизмом и транснациональной организованной преступностью, по отношению к которым обе страны имеют одинаковую позицию.

(...)

Речь на пресс-конференции после переговоров с Президентом Исламской Республики Иран Сайидом Иброхимом Раиси. 30.05.2022. (Rahmon 2022d)

(...)

Мы, ввиду сложившейся щекотливой ситуации в регионе и мире, выразили заинтересованность в развитии сотрудничества в сфере безопасности.

В этой связи особое внимание было уделено текущей ситуации в соседнем Афганистане. Таджикистан выразил поддержку всем политическим, дипломатическим и гуманитарным усилиям, направленным на обеспечение безопасности и предотвращение человеческих трагедий в этой соседней стране.

Мы признали выгодным для двух стран и региона укрепление сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, транснациональной организованной преступностью и киберпреступностью.

(...)

Заявление для прессы по итогам таджикско-узбекских переговоров. 02.06.2022. (Rahmon 2022a)

(...)

В ходе переговоров мы подробно обсудили наше взаимодействие в сфере безопасности.

Подтвердили общую заинтересованность в укреплении совместного противодействия угрозам терроризма, экстремизма, незаконного оборота оружия и наркотиков, киберпреступности, а также транснациональной организованной преступности.

С учётом нынешней сложной международной обстановки, мы подтвердили готовность к наращиванию сотрудничества в области региональной безопасности, в особенности по афганской проблематике.

Таджикистан, как близкий сосед Афганистана, искренне заинтересован в установлении долгосрочного мира и согласия в этой стране.

Было подчёркнуто, что таджикско-узбекское сотрудничество в рамках международных и региональных организаций развивается в конструктивном русле.

Мы будем поддерживать усилия Узбекистана в качестве председателя в ШОС в текущем году.

(...)

Поздравительное послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона по случаю 25-й годовщины Дня национального единства. 26.06.2022. (Rahmon 2022e)

(...)

Помимо тяжелых последствий глобального изменения климата, в том числе маловодия, засухи, нехватки продовольствия, роста цен на продовольствие во всем мире и распространения инфекционных заболеваний, вызовов безопасности, такое беспрецедентное расширение современных угроз, как **терроризм, экстремизм, религиозный радикализм**, незаконный оборот оружия и наркотиков, киберпреступность и другие транснациональные организованные преступления, сделали человеческую жизнь очень хаотичной и невыносимой.

(...)

Заявление для прессы по итогам переговоров с Президентом Республики Беларусь Александром Лукашенко. 11.10.2022. (Rahmon 2022f)

(...)

В ходе переговоров мы сделали особый акцент на проблематике **региональной безопасности**.

Отметили резкое возрастание угроз безопасности, в том числе **терроризма, экстремизма**, наркотрафика, киберпреступности и транснациональной организованной преступности.

В этом контексте обменялись мнениями по ситуации, которая складывается в Афганистане, на южных рубежах СНГ и ОДКБ.

Высказались за продолжение тесной координации между профильными ведомствами и специальными службами двух стран в различных форматах.

При обсуждении актуальных вопросов регионального и международного характера, высказались за дальнейшее **активное взаимодействие** в рамках **ООН, СНГ, ШОС, ОДКБ и других международных структур**.

(...)

**Выступление на заседании глав государств и правительств государств-членов
Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). 13.10.2022 (Rahmon
2022g)**

(...)

Сегодня **нарастают негативные процессы** в сфере **обеспечения военно-политической безопасности**.

Международной и региональной безопасности, по-прежнему, угрожают растущие масштабы терроризма, экстремизма, транснациональной организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и киберпреступности.

Существует необходимость приумножения совместных усилий в борьбе против этих вызовов и угроз, а также координации работы по укреплению мира, стабильности и безопасности.

(...)

Поэтому Таджикистан является активным участником глобального диалога по безопасности в рамках международных и региональных организаций.

Исходя из опыта, накопленного в противодействии глобальным вызовам и угрозам, мы **разработали и приняли новую Стратегию** по **борьбе с терроризмом и экстремизмом** на период до две тысячи двадцать пятого года.

(...)

Надеемся на активное участие высоких представителей государств-членов **СВМДА** в обсуждении вопросов обеспечения безопасности границ в контексте **противодействия терроризму**.

(...)

Она отражает позицию и взгляды Совещания по важным вопросам **безопасности** и сотрудничества в Азии, включая афганскую проблематику.

(...)

Выступления на саммите в формате «Центральная Азия + Россия». 14.10.2022.

(Rahmon 2022h)

(...)

Признательны Президенту Российской Федерации уважаемому Владимиру Владимировичу Путину за инициативу по проведении первого саммита в формате «Центральная Азия - Россия».

(...)

Должное развитие получило сотрудничество в рамках ООН и других международных и региональных организаций.

(....)

В нынешних условиях особую актуальность приобретает проблематика обеспечения безопасности.

В нашем регионе не снижается накал напряжённости, связанной с деятельностью террористических и экстремистских групп, активно распространяется идеология религиозного радикализма, в разы увеличились объёмы незаконного оборота наркотических средств, не сбавляет обороты транснациональная организованная преступность.

(...)

Ситуация в Афганистане напрямую влияет на нашу безопасность.

Таджикистан, как ближайший сосед, всегда выступал и выступает за становление Афганистана в качестве мирного свободного от терроризма, войн и наркотиков государства.

(...)

В этой связи выступаем за налаживание более практического сотрудничества наших стран в вопросах оказания друг другу помощи в укреплении потенциала охраны границы.

(...)

Выступление на Международной конференции высокого уровня на тему «Международное и региональное сотрудничество в области безопасности границ и пограничного контроля для борьбы с терроризмом и предотвращения передвижения террористов». 18.10.2022. (Rahmon 2022i)

(...)

Сегодняшняя конференция является третьим мероприятием высокого уровня, организованным Правительством Таджикистана в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, Европейским Союзом, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Катаром, Саудовской Аравией и другими международными партнерами в рамках «Душанбинского Процесс по борьбе с терроризмом».

(...)

Известно, что с годами неуклонно расширяется спектр угроз и опасностей, возникающих от терроризма и экстремизма, эти деструктивные явления влекут за собой страшные последствия, а деятельность террористических и экстремистских организаций и группировок приобретает все более трансграничный и транснациональный характер.

(...)

Согласно анализу и прогнозам, такая ситуация сохранится в регионе и некоторых странах мира и в будущем, а присутствие и деятельность ИГИЛ и «Аль-Каиды» будут расширяться.

(...)

Именно по этой причине Таджикистан, активно участвуя во всех международных усилиях и мероприятиях, направленных на искоренение этих нежелательных явлений, стал одним из активных участников международного антитеррористического сообщества.

(...)

Учитывая сложную ситуацию в регионе, Правительство Таджикистана уделяет особое внимание постоянному усилению охраны государственной границы и принимает необходимые меры для предотвращения трансграничной переброски боевиков-террористов, незаконного оборота наркотиков, оружия и других транснациональных преступлений.

В целях совершенствования процесса охраны государственной границы в 2010 году мы приняли «Национальную стратегию управления границей» и ее план действий по реформированию системы охраны границы на период до 2025 года при содействии международных партнеров.

Следует подчеркнуть, что в нынешних условиях переброска боевиков-террористов из охваченных войной районов Ближнего Востока в другие регионы и в связи с этим усиление позиций международных террористических организаций в Афганистане представляет серьезную угрозу для Центральной азиатских государств.

Навязывание экстремистских идей в сознание молодежи и существование так называемых «спящих групп» экстремистов и международных террористов относятся к числу серьезных угроз безопасности региона.

(...)

Необходимо признать, что страны мира скоординировав процесс противодействия терроризму и экстремизму, по инициативе региональных и международных организаций проделали значительную работу по созданию соответствующей правовой базы. Однако, как показало время, для адекватного реагирования на существующие террористические угрозы их недостаточно.

(...)

Таджикистан и Афганистан связывает линия границы протяжённостью в 1400 километров со сложными горными участками, что составляет около 60 процентов границ государств Центральной Азии с этой страной.

В этих условиях мы принимаем необходимые меры для укрепления границы и за последние два года построили и сдали в эксплуатацию более 175 пограничных объектов. Стоит отметить и то, что одновременно продолжается строительство ещё 30 других объектов и нам в будущем необходимо будет возвести ещё 300 соответствующих объектов.

(....)

С этой целью Республика Таджикистан сотрудничает с рядом региональных и международных организаций, в том числе с Европейским Союзом, специализированными учреждениями ООН, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе и странами-донорами, такими как Япония, Соединенные

Штаты Америки, Китай и Россия в рамках реализации различных проектов, связанных с пограничным контролем.

(...)

Выступление на пресс-конференции после переговоров с Премьер-министром Исламской Республики Пакистан Шахбазом Шарифом. 14.12.2022. (Rahmon 2022j)

(...)

В ходе беседы и переговоров с участием делегаций мы обсудили широкий спектр межгосударственных связей в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной сферах и в сфере безопасности.

(...)

В ходе переговоров мы подробно обсудили вопросы сотрудничества в сфере безопасности.

Выражая удовлетворение уровнем сотрудничества в этом направлении, мы подчеркнули свою приверженность продолжению совместного противодействия современным опасностям и угрозам, в том числе терроризму, экстремизму, всевозможным проявлениям радикализма и трансграничной организованной преступности, контрабанде оружия, наркотических средств и киберпреступности.

Мы больше всего заинтересованы в восстановлении прочного мира, стабильности и национального согласия на пострадавших землях Афганистана.

(...)

Уважаемые присутствующие,

Таджикистан и Пакистан занимают общую или близкую позицию по основным международным и региональным вопросам.

Мы считаем ценным уровень нашего созидательного сотрудничества с Пакистаном в рамках международных и региональных организаций.

Наши страны имеют плодотворные конструктивные связи в рамках Организации Объединенных Наций, Шанхайской организации сотрудничества, Организации экономического сотрудничества, Организации исламского сотрудничества и других международных структур.

(...)

Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики». 23.12.2022. (Rahmon 2022k)

(...)

Сложная ситуация современного мира побуждает нас принять дополнительные меры по ускорению модернизации и оснащения Вооружённых Сил техникой и боеприпасами, повышению боеготовности и укреплению оборонной мощью страны.

В связи с этим, Правительству республики, Министерству обороны и другим военным структурам поручается с целью повышения обороноспособности страны разработать и представить Концепцию национальной обороны.

(...)

Такое состояние, являясь причиной возникновения беспрецедентных вызовов и угроз безопасности, в целом оказывает серьёзное влияние на фундаментальную структуру международных отношений.

В этих условиях Таджикистан, в целях обеспечения национальных интересов и защиты своих традиционных ценностей, продолжает осуществлять сбалансированную и выверенную внешнюю политику.

В этом контексте наше государство на основе своей внешней политики «открытых дверей» намерена расширять и развивать отношения дружбы, взаимовыгодного, конструктивного двустороннего и многостороннего сотрудничества со всеми странами мира.

(...)

Наряду с этим, мы будем продолжать усилия по обеспечению устойчивого развития, укреплению духа добрососедства, доверия и нерушимой дружбы в регионе Центральной Азии.

Таджикистан, как активный член, будет продолжать сотрудничество с международными партнёрами в рамках ООН, СНГ, ШОС, ОДКБ, ОБСЕ, ОЭС, ОИС и других многосторонних структур.

(...)

Таджикистан и впредь будет вносить достойный вклад в решение таких проблем международного сообщества, как борьба с терроризмом, транснациональной организованной преступностью, контрабандой оружия и наркотиков,

киберпреступностью, а также устранение и адаптация к последствиям изменения климата.

Мы выступаем за решение международных проблем и региональных конфликтов путем диалога и поддерживаем укрепление ключевой роли ООН в этом процессе.

(...)

Uzbekistan's Security Positioning 2013 – Presidential Speeches of Islam

Karimov

The official website of the current administration was not providing the archival material, therefore no data

Uzbekistan's Security Positioning 2022 – Presidential Speeches of Shavkat

Mirziyoyev

Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на саммите глав государств Центральной Азии и Китая. 25.01.2022. (Mirziyoyev 2022a)

(...)

На фоне усиливающейся конкуренции и продолжающихся конфликтов в различных точках мира важно налаживание более тесного взаимодействия по обеспечению региональной безопасности, в том числе в области противодействия силам «трех зол».

Мы рады, что благодаря мудрости народа и решительным действиям Президента Казахстана Касым-Жомарта Кемелевича Токаева ситуация в стране нормализовалась.

Безопасность неделима, и мир в Казахстане – залог стабильности всего нашего региона.

В числе наших приоритетных вопросов – стабилизация ситуации в Афганистане и недопущение усиления гуманитарного кризиса в этой стране.

(...)

Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на первом саммите «Индия – Центральная Азия». 27.01.2022. (Mirziyoyev 2022g)

(...)

Важнейшим условием успешной реализации намеченных нами планов является обеспечение региональной безопасности и стабильности.

В центре нашего общего внимания остается сложная ситуация в Афганистане.

(...)

Участникам Международной конференции высокого уровня «Региональное сотрудничество стран Центральной Азии в рамках Совместного плана действий по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН». 03.02.2022. (Mirziyoyev 2022b)

(...)

Ваша поддержка работы конференции является убедительным подтверждением приверженности совместному противодействию терроризму, другим вызовам и угрозам во имя всеобщей безопасности и стабильности.

(...)

Сегодня мы являемся свидетелями усиления противоречий в международных отношениях, снижения уровня доверия и сотрудничества между странами. При этом в различных регионах мира сохраняются очаги напряжённости, продолжаются вооружённые конфликты.

(...)

В таких сложных условиях важно объединение усилий всего мирового сообщества в борьбе с нарастающими глобальными и региональными угрозами безопасности.

15 лет назад все страны мира единогласно одобрили Глобальную контртеррористическую стратегию ООН. Она стала первой всеобъемлющей, коллективной и общепризнанной правовой основой для объединения национальных и международных усилий в борьбе с терроризмом.

В 2011 году Центральная Азия показала первый успешный пример регионализации этого программного документа, когда все пять стран приняли Совместный план действий по его реализации.

Осуществление этого Плана позволило укрепить региональный консенсус в отношении общих принципов и подходов в борьбе с терроризмом, создать действенные механизмы сотрудничества как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Страны региона сформировали национальные системы противодействия терроризму. Разработаны страновые стратегии действий, полностью соответствующие рекомендациям ООН.

Благодаря этому наши государства смогли вступить в более структурированный и продуктивный диалог, обмениваться опытом и важной информацией, наращивать антитеррористический потенциал и добиваться совместными усилиями того, что невозможно сделать в одиночку.

(...)

В последние годы здесь произошли фундаментальные позитивные изменения. Между странами региона поступательно развиваются добрососедские отношения, основанные на принципах дружбы, взаимной выгоды и доверия. Консультативные встречи глав государств Центральной Азии способствуют реализации огромного потенциала наших стран в обеспечении региональной безопасности и устойчивого развития.

Рассматривая Афганистан как неотъемлемую часть Центральной Азии, государства региона оказывают гуманитарную помощь афганскому народу, всемерно содействуют восстановлению мирной экономики и вовлечению этой страны в региональные торгово-экономические связи.

Уважаемые дамы и господа!

Узбекистан, подписал 14 основных универсальных международных правовых документов и активно участвует в глобальных усилиях по противодействию международному терроризму.

Государственная политика в данной сфере основывается на всеобъемлющем, инклюзивном и последовательном подходе. Как известно, при таком подходе сочетается применение наряду с правоохранительными также и превентивных, профилактических мер. В реализации основных направлений Глобальной контртеррористической стратегии ООН активно участвуют не только государственные органы, но и институты гражданского общества.

(...)

В этом контексте мы предлагаем рассмотреть ряд предложений по повышению эффективности совместного противодействия терроризму и экстремизму.

Первое. Очевидно, что дальнейшая успешная реализация контртеррористической стратегии в регионе требует **усиления механизмов постоянного мониторинга и критической оценки хода реализации Совместного плана действий, координации взаимодействия стран Центральной Азии.**

В этой связи считаем давно назревшей необходимостью открытие в нашем регионе офиса **Контртеррористического управления ООН.**

Для достижения максимального синергетического эффекта от скоординированного сотрудничества в противодействии терроризму в Центральной Азии предлагаем обеспечить его тесное взаимодействие с ведущими международными и региональными организациями, вовлеченными в решение вопросов безопасности.

(...)

Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии. 21.07.2022. (Mirziyoyev 2022c)

(...)

Стратегическим направлением нашего регионального взаимодействия является сфера **безопасности.**

Подчеркну, что безопасность региона неделима и прежде всего зависит от того, как эффективно выстроено наше партнерство.

В этом плане нам необходимо и далее наращивать практическое взаимодействие в **борьбе с традиционными угрозами экстремизма и терроризма, организованной преступности и наркотрафика.**

(...)

В этой связи поддерживаем предложение о запуске регулярных консультаций руководителей советов безопасности и спецслужб стран региона по этим направлениям. Нашим важнейшим приоритетом должно оставаться продолжение тесного сотрудничества в вопросах содействия обеспечению долгосрочного **мира в Афганистане** и его социально-экономическому восстановлению.

Мы, ближайшие соседи, как никто другой должны быть заинтересованы в стабильности в этой стране. Именно от нас во многом зависит и то, как данную проблему воспринимает международное сообщество.

(...)

Участникам международной конференции «Афганистан: безопасность и экономическое развитие». 26.07.2022. (Mirziyoyev 2022d)

(...)

Следует отметить, что без стабильности на другом берегу Амударьи невозможно достичь безопасности и устойчивого развития в Узбекистане и во всем Центральноазиатском регионе.

(...)

Принятая недавно Генеральной ассамблеей ООН Специальная резолюция об укреплении взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией также подтвердила важнейшее значение сохранения мира в Афганистане для обеспечения международной безопасности.

(...)

Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 16.09.2022. (Mirziyoyev 2022e)

(...)

В период своего председательства в ШОС мы стремились активизировать практическое взаимодействие в рамках нашей Организации, повысить ее потенциал и международный авторитет.

Приоритетное внимание наряду с вопросами обеспечения безопасности уделялось расширению торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества.

Были реализованы многочисленные инициативы по всем направлениям деятельности Организации. Несмотря на последствия пандемии и глобальные потрясения, нам вместе удалось в полном объеме выполнить План председательства. Проведено более 80

крупных мероприятий. Наши совместные усилия отражены в принимаемых сегодня более 40 документах.

Еще раз благодарю все государства ШОС, а также Секретариат Организации и Исполком Региональной антитеррористической структуры за активное содействие нашему председательству.

(...)

Растет глобальный запрос на взаимодоверие, справедливость и солидарность. В этой связи как никогда востребовано продолжение открытого и конструктивного диалога. Деятельность нашей Организации демонстрирует миру, что такой диалог возможен.

Благодаря твердой приверженности принципам открытости и внеблоковости ШОС укрепляет взаимовыгодные отношения между странами-участницами и успешно углубляет международное сотрудничество. Расширяется состав ШОС, развиваются наши партнерские связи.

(...)

Расширение географического охвата ШОС – еще одно подтверждение востребованности нашей Организации, демонстрирующей эффективность, взаимопонимание и динамизм.

(...)

Другая ключевая задача – укреплять сплоченность, взаимную поддержку и партнерство на основе принципов «Шанхайского духа». Только так мы сможем обеспечить мир, стабильность и процветание в регионе ШОС.

(...)

В первую очередь, чрезвычайно важно повысить практическую отдачу сотрудничества в области экономики, торговли и инвестиций. Это одно из ключевых условий обеспечения стабильности в регионе и повышения благосостояния населения наших стран.

(...)

Важным условием развития ШОС является эффективное сотрудничество в сфере безопасности. В новых реалиях актуальным является укрепление координации деятельности правоохранительных органов и спецслужб наших стран.

Давно назрел вопрос о повышении эффективности Региональной антитеррористической структуры ШОС на основе наших договоренностей по совершенствованию ее деятельности, в том числе в вопросах предупреждения и оперативного реагирования на вызовы и угрозы безопасности.

Важно **наладить практику ежегодных выездных заседаний** Совета **PATC** для оценки ситуации в наших странах и принятия комплексных решений с учетом сегодняшних реалий. (...)

Опасной тенденцией становится **рост радикализма**. Полагаем целесообразным принять комплекс действенных мер по недопущению вовлечения молодежи в экстремистские организации, формированию устойчивого иммунитета к различным деструктивным идеологиям.

(...) Среди ключевых приоритетов **ШОС** должно оставаться усиление координации в **содействии установлению мира и социально-экономическому восстановлению Афганистана**.

(...)

Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на VI саммите совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. 13.10.2022. (Mirziyoyev 2022f)
(...)

Новые геополитические реалии негативно сказываются на **стабильности** всего Азиатского **региона**. Кризисные явления напрямую затрагивают и государства Центральной Азии, сдерживают наши усилия по углублению экономической интеграции.

С учетом этого в интересах **общей безопасности**, развития и процветания нам необходимо сосредоточиться на следующих приоритетах.

Первое. Особого внимания требует **ситуация в Афганистане**.

К сожалению, на фоне других острых международных проблем вопрос афганского урегулирования стал уходить на второй план. Нельзя допустить повторения печального опыта прошлого, **когда эта страна фактически превратилась в международный террористический хаб**.

(...)

Второе. Мы все больше сталкиваемся с широкой экспансией **радикальных идей**.

Используя новые методы пропаганды и идеологического воздействия, деструктивные силы активно вовлекают **молодежь в экстремистские организации**. В этой связи нам нужно наладить системное сотрудничество, чтобы уберечь нашу молодежь от

радикализма, направить ее энергию на созидательный путь. Молодые люди должны поверить в себя, почувствовать сопричастность к формированию справедливого будущего, иметь возможность реализовать свой потенциал и надежды.

(...)

Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на первом саммите в формате «Центральная Азия – Европейский Союз». 27.10.2022. (Mirziyoyev 2022g)

(...)

Мы понимаем, что **долгосрочное и устойчивое развитие нашей страны** неразрывно связано со **стабильностью и благополучием всей Центральной Азии**.

Именно поэтому Узбекистан неуклонно продвигает **повестку добрососедства и регионального партнёрства**. В результате совместных усилий в Центральной Азии сформировалась совершенно новая политическая атмосфера.

(...)

Мы доказали, прежде всего самим себе, что способны идти на компромиссы в интересах **общерегиональной безопасности** и процветания.

(...)

Ключевым направлением является **обеспечение региональной безопасности**.

Мы **ценим практическое содействие** Евросоюза в рамках совместных программ по **борьбе с терроризмом, радикализмом и экстремизмом, организованной преступностью, наркотрафиком** и другими общими вызовами.

Исходя из международной практики предлагаем **наладить взаимодействие по линии наших спецслужб и правоохранительных органов для обмена информацией и совместного противодействия современным угрозам**.

(...)

Нас сильно беспокоит обострение гуманитарной ситуации в **Афганистане** с приходом зимы. Речь идёт о критическом положении проживающих там миллионов людей, фактически лишённых социальных гарантий.

(...)

Кроме того, кардинально изменилась глобальная и региональная ситуация, которая сегодня требует более активной поддержки европейскими партнёрами процессов интеграции в Центральной Азии.

(...)

Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и народу Узбекистана. 20.12.2022. (Mirziyoyev 2022h)

(...)

Сегодня Узбекистан становится одним из центров мировой политики, и это получает широкое признание международного сообщества.

В нашей стране прошли саммиты Шанхайской организации сотрудничества и Организации тюркских государств, а также десятки международных конференций высокого уровня, где мы выдвинули важные инициативы. Все это также свидетельствует о растущем международном авторитете Узбекистана.

(...)

Теперь хотел бы остановиться на приоритетах 2023 года.

(...)

Мы поднимем на новый уровень работу по обеспечению национальной безопасности, повышению боевого потенциала Вооруженных Сил.

(...)

С этой целью еще большее значение мы будем придавать военно-патриотическому воспитанию молодежи.

(...)

Усиливающиеся во всем мире такие угрозы, как радикализм, экстремизм, терроризм, торговля людьми, наркомания, к сожалению, не обходят стороной и нашу страну.

Однако, еще раз повторю, что на нашей земле, взрастившей таких великих улемов – наставников мусульманской уммы, как Имам Бухари, Имам Термези, Имам Матуриди, не должно быть сбившихся с правильного пути и ставших приверженцами идей радикализма и экстремизма.

Reference List

- Japarov, Sadyr. 2022a. 'Pryezidyent Sadir Zhaparov: Provodya Politikoo Mira i Dobrososyedstva, Kirgizstan Prilagayet Maksimal'niye Oosiliya Dlya Sohranyeniya Stabil'nosti v Ryegionye [Президент Садыр Жапаров: Проводя Политику Мира и Добрососедства, Кыргызстан Прилагает Максимальные Усилия Для Сохранения Стабильности в Регионе]'. March 31.
https://www.president.kg/ru/sobytiya/vystupleniya_obrascheniya/22147_prezident_sadir_ghaparov_provodya_politiku_mira_i_dobrososedstva_kirgizstan_prilagaet_maksimalnie_usiliya_dlya_sohraneniya_stabilnosti_v_regione.
- Japarov, Sadyr. 2022b. 'Pryezidyent Sadir Zhaparov: Imyeyetsya Chyetskoye Ponimaniye, Chto Sovmestnimi Oosiliyami Kirgizstan i Kazahstan Obyespyechat Dal'nyeyshyeye Narashshivaniye Kompleksa Dvoostoronnih Svyazyey [Президент Садыр Жапаров: Имеется Четкое Понимание, Что Совместными Усилиями Кыргызстан и Казахстан Обеспечат Дальнейшее Нарастивание Комплекса Двусторонних Связей]'. May 26.
https://www.president.kg/ru/sobytiya/vystupleniya_obrascheniya/22559_prezident_sadir_ghaparov_imeetsya_chetkoe_ponimanie_chno_sovmestnimi_usiliyami_kirgizstan_ikazahstan_obespechat_dalneyshee_narashivanie_kompleksa_dvustoronnih_svyazyey.
- Japarov, Sadyr. 2022c. 'Pryezidyent Sadir Zhaparov Virazil Oodovlyetvoryeniye Itogami Ryeryegovorov s Pryezidyentom Kazahstana Kasim-Zhomartom Tokayevim [Президент Садыр Жапаров Выразил Удовлетворение Итогами Переговоров с Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым]'. May 26.
https://www.president.kg/ru/sobytiya/vystupleniya_obrascheniya/22571_prezident_sadir_ghaparov_virazil_udovletvorenije_itogami_peregovorov_sprezidentom_kazahstana_kasim_ghomartom_tokaevim.
- Japarov, Sadyr. 2022d. 'Pryezidyent Sadir Zhaparov: V Ninyeshnih Krizisnih Oosloviyah Myezhdoonarnodnih Otnoshenyiy Strani TsA Boodoot Yeshshye Bolyeye Tyesno Sotroodnichat', Chtobi Prodvigat' Obshshiye Intyeryesi Ryegiona Na Mirovoy Aryenye [Президент Садыр Жапаров: В Нынешних Кризисных Условиях Международных Отношений Страны ЦА Будут Еще Более Тесно Сотрудничать, Чтобы Продвигать Общие Интересы Региона На Мировой Арене]'. July 21.
https://www.president.kg/ru/sobytiya/22976_prezident_sadir_ghaparov_v_nineshni_h_krizisnih_usloviyah_meghdunarodnih_otnosheniy_strani_ca_budut_eshe_boleesno_sotrudnichat_chnobi_prodvigat_obshie_interesi_regiona_na_mirovoy_arene.

- Japarov, Sadyr. 2022e. 'Pryezidyent Sadir Zhaparov: Kirgizskaya Ryespooblika, Kak Odno Iz Gosoodarstv-Oochryedyelyey ShOS, Pridayet Vazhnoye Znacheniye Ooglooblyeniyoo Vsyestoronnyego Sotroodnichyestva v Ramkah Organizatsii [Президент Садыр Жапаров: Кыргызская Республика, Как Одно Из Государств-Учредителей ШОС, Придает Важное Значение Углублению Всестороннего Сотрудничества в Рамках Организации]'. September 16. https://www.president.kg/ru/sobytiya/23350_prezident_sadir_ghaparov_kirgizskaya_respublika_kak_odno_iz_gosudarstv_uchrediteley_shos_pridaet_vaghnnoe_znachenie_uglubleniyu_vsestoronnego_sotrudnichestva_v_ramkah_organizacii.
- Japarov, Sadyr. 2022f. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Sadira Zhaparova Na Dyevyatom Zasyedanii Sammita Lidyerov Stran-Oochastnits OTG [Выступление Президента Садыра Жапарова На Девятом Заседании Саммита Лидеров Стран-Участниц ОТГ]'. November 11. https://www.president.kg/ru/sobytiya/23747_vistuplenie_prezidenta_sadira_ghaparova_na_devyatom_zasedanii_sammita_liderov_stran_uchastnic_otg.
- Japarov, Sadyr. 2022g. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Sadira Zhaparova Na Pyervom Narodnom Koorgooltaye Strani [Выступление Президента Садыра Жапарова На Первом Народном Курултае Страны]'. November 25. https://www.president.kg/ru/sobytiya/23832_vistuplenie_prezidenta_sadira_ghaparova_na_pervom_narodnom_kurultae_strani.
- Mirziyoyev, Shavkat. 2022a. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Oozbyekistan Shavkata Mirziyoyeva na sammitye glav gosoodarstv Tsyentral'noy Azii i Kitaya [Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на саммите глав государств Центральной Азии и Китая]'. January 25. <https://president.uz/ru/lists/view/4940>.
- Mirziyoyev, Shavkat. 2022b. 'Oochastnikam Myezhdoonarodnoy konfyeryentsii visokogo oorovnya «Ryegional'noye sotroodnichyestvo stran Tsyentral'noy Azii v ramkah Sovmyestnogo plana dyeystviy po ryealizatsii Global'noy kontrtyerroristichyeskoy stratyegii OON» [Участникам Международной конференции высокого уровня «Региональное сотрудничество стран Центральной Азии в рамках Совместного плана действий по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН»]'. March 3. <https://president.uz/ru/lists/view/5023>.
- Mirziyoyev, Shavkat. 2022c. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Oozbyekistan Shavkata Mirziyoyeva na chyetvyertoy Konsool'tativnoy vstryechye glav gosoodarstv Tsyentral'noy Azii [Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии]'. July 21. <https://president.uz/ru/lists/view/5360>.

Mirziyoyev, Shavkat. 2022d. 'Oochastnikam myezhdoonarodnoy konfyeryentsii «Afganistan: byezopasnost' i ekonomichyeskoye razvitiye» [Участникам международной конференции «Афганистан: безопасность и экономическое развитие»]'. July 26. <https://president.uz/ru/lists/view/5377>.

Mirziyoyev, Shavkat. 2022e. 'Vistoplyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Oozbyekistan Shavkata Mirziyoyeva na zasyedanii Sovyeta glav gosoodarstv-chlyenov Shanhaysoy organizatsii sotroodnichyestva [Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества]'. September 16. <https://president.uz/ru/lists/view/5542>.

Mirziyoyev, Shavkat. 2022f. 'Vistoplyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Oozbyekistan Shavkata Mirziyoyeva na VI sammitye sovyeshshaniya po vzaimodeystviyoo i myeram doveryiya v Azii [Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на VI саммите совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии]'. October 13. <https://president.uz/ru/lists/view/5604>.

Mirziyoyev, Shavkat. 2022g. 'Vistoplyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Oozbyekistan Shavkata Mirziyoyeva na pyervom sammitye v formatye «Tsyentral'naya Aziya – Yevropeyskiy Soyooz» [Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на первом саммите в формате «Центральная Азия – Европейский Союз»]. 2022h. 'Poslaniye Pryezidyenta Ryespoobliki Oozbyekistan Shavkata Mirziyoyeva Oliy Mazhlisoo i narodoo Oozbyekistana [Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и народу Узбекистана]'. December 20. <https://president.uz/ru/lists/view/5774>.

Mirziyoyev, Shavkat. 2022h. 'Poslaniye Pryezidyenta Ryespoobliki Oozbyekistan Shavkata Mirziyoyeva Oliy Mazhlisoo i narodoo Oozbyekistana [Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и народу Узбекистана]'. December 20. <https://president.uz/ru/lists/view/5774>.

Nazarbaev, Nursultan. 2013a. 'Vystuplenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N.A.Nazarbaeva na XI Evraziiskom media-forume [Выступление Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева на XI Евразийском медиа-форуме]'. Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan presented at the Eurasian Media Forum, Almaty, April 25. https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addreses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nanazarbaeva-na-xi-evraziiskom-media-forume.

Nazarbaev, Nursultan. 2013b. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Kazahstana N.A.Nazarbayeva na konfyeryentsii ministrov inostrannih dyel stran-oochastnits Stambool'skogo protsyessa [Выступление Президента Казахстана Н.А.Назарбаева на конференции министров иностранных дел стран-участниц Стамбульского процесса]'. Presented at the Conference of Foreign Ministers, Almaty, April 26. https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nanazarbaeva-na-konferencii-ministrov-inostrannyh-del-stran-uchastnic-stambul'skogo-processa.

Nazarbaev, Nursultan. 2013c. 'Intyerv'yoo Pryezidyenta Kazahstana N.A.Nazarbayeva kitayskim SMI - informatsionnomoo agyentstvoo Sin'hooa, gazyetye "Zhen'min' zhibao" i myezhdoonarodnomoo Radio Kitaya [Интервью Президента Казахстана Н.А.Назарбаева китайским СМИ - информационному агентству Синьхуа, газете "Жэньминь жибао" и международному Радио Китая]'. September 16. https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_interviews/intervyu-prezidenta-kazahstana-nanazarbaeva-kitaiskim-smi-informacionnomu-agentstvu-sinhua-gazete-zhenmin-zhibao-i-mezhdunarodnomu-radio-kitaya.

Rahmon, Emomalij. 2013a. 'Zayavlyeniye Dlya Pryessi Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona Po Itogam Tajiksko-Avstriyskih Pyeryegovorov [Заявление Для Прессы Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона По Итогам Таджикско-Австрийских Переговоров]'. Dushanbe, March 13. <http://president.tj/ru/node/4109>.

Rahmon, Emomalij. 2013b. 'Vistooplyeniye Na Vstryechye s Diplomatchyeskimi Rabotnikami Strani Po Sloochayoo Otkritiya Novogo Zdaniya Ministyerstva Inostrannih Dyel Ryespoobliki Tajikistan [Выступление На Встрече с Дипломатическими Работниками Страны По Случаю Открытия Нового Здания Министерства Иностранных Дел Республики Таджикистан]'. Dushanbe, March 15. <http://president.tj/ru/node/4114>.

Rahmon, Emomalij. 2013c. 'Sovmyestnoye Zayavlyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona i Pryezidyenta Kirgizskoy Ryespoobliki Almazbyeka Atambayeva [Заявление Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Для Прессы По Окончанию Переговоров с Президентом Кыргызской Республики Алмазбеком Атамбаевым]'. Kyrgyzstan, May 27. <http://president.tj/ru/node/4448>.

Rahmon, Emomalij. 2013d. 'Sovmyestnoye Zayavlyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona i Pryezidyenta Kirgizskoy Ryespoobliki Almazbyeka Atambayeva [Совместное Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона и Президента Кыргызской Республики Алмазбека Атамбаева]'. Kyrgyzstan, May 27. <http://president.tj/ru/node/4447>.

- Rahmon, Emomalij. 2013e. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona Na Vstryechye s Rookovodityelyami i Aktivom [Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона На Встрече с Руководителями и Активом]'. Babadzan, Gafur Rayon, June 20. <http://president.tj/ru/node/4632>.
- Rahmon, Emomalij. 2013f. 'Vistooplyeniye Po Sloochayoo Dnya Gosoodarstvyennoy Nyezavisimosti [Выступление По Случаю Дня Государственной Независимости]'. Dushanbe, July. <http://president.tj/ru/node/5067>.
- Rahmon, Emomalij. 2013g. 'Zayavlyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona Dlya Pryessi Po Itogam Vstryechi s Pryezidyentom Rossiyskoy Fyedyeratsii Vladmirom Pootinim [Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Для Прессы По Итогам Встречи с Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным]'. Russian Federation, August 2. <http://president.tj/ru/node/4836>.
- Rahmon, Emomalij. 2013h. 'Vistooplyeniye Na Zasyedanii Sovyeta Glav Gosoodarstv-Chlyenov SCO [Выступление На Заседании Совета Глав Государств-Членов ШОС]'. Kyrgyzstan, September 13. <http://president.tj/ru/node/5106>.
- Rahmon, Emomalij. 2013i. 'Zayavlyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona Dlya Pryessi Po Itogam Sammita SCO [Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Для Прессы По Итогам Саммита ШОС]'. Kyrgyzstan, September 13. <http://president.tj/ru/node/5114>.
- Rahmon, Emomalij. 2013j. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona Na Otkritom Zasyedanii Syessii Sovyeta Kollyektivnoy Byezopasnosti Gosoodarstv-Chlyenov CSTO [Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона На Открытом Заседании Сессии Совета Коллективной Безопасности Государств-Членов ОДКБ]'. Russian Federation, September 23. <http://president.tj/ru/node/5196>.
- Rahmon, Emomalij. 2013k. 'Zayavlyeniye Dlya Pryessi Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Emomali Rahmona Po Itogam Vstryechi i Pyeryegovorov s Pryezidyentom Islamskoy Ryespoobliki Afganistan Hamidom Karzayem [Заявление Для Прессы Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона По Итогам Встречи и Переговоров с Президентом Исламской Республики Афганистан Хамидом Карзаем]'. Dushanbe, October 21. <http://president.tj/ru/node/5461>.

- Rahmon, Emomalij. 2022a. 'Zayavlyeniye Dlya Pryessi Po Itogam Tajiksko-Oozbyekskih Pyeryegovorov [Заявление Для Прессы По Итогам Таджикско-Узбекских Переговоров]'. Uzbekistan, February 6. <https://www.mfa.tj/ru/main/view/10463/zayavlenie-dlya-pressy-po-itogam-tadzhiksko-uzbekskikh-peregovorov>.
- Rahmon, Emomalij. 2022b. 'Ryech' Na Pryess-Konfyeryentsii Po Zavyershyenii Pyeryegovorov s Pryezidyentom Arabskoy Ryespoobliki Yegipyet Abdoolfattahom As-Sisi [Речь На Пресс-Конференции По Завершении Переговоров с Президентом Арабской Республики Египет Абдулфаттахом Ас-Сиси]'. Egypt, March 10. <http://president.tj/ru/node/27918>.
- Rahmon, Emomalij. 2022c. 'Ryech' v Kairskom Oonivversityetye [Речь в Каирском Университете]'. Egypt, March 10. <http://president.tj/ru/node/27917>.
- Rahmon, Emomalij. 2022d. 'Ryech' Na Pryess-Konfyeryentsii Poslye Pyeryegovorov s Pryezidyentom Islamskoy Ryespoobliki Iran Sayidom Ibrohimom Raisi [Речь На Пресс-Конференции После Переговоров с Президентом Исламской Республики Иран Сайидом Иброхимом Раиси]'. Iran, May 30. <http://president.tj/ru/node/28417>.
- Rahmon, Emomalij. 2022e. 'Pozdravityel'noye Poslaniye Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan, Lidyera Natsii Oovazhayemogo Emomali Rahmona Po Sloochayoo 25-y Godovshshini Dnya Natsional'nogo Yedinstva [Поздравительное Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера Нации Уважаемого Эмомали Рахмона По Случаю 25-й Годовщины Дня Национального Единства]'. June 26. <http://president.tj/ru/node/28625>.
- Rahmon, Emomalij. 2022f. 'Zayavlyeniye Dlya Pryessi Po Itogam Pyeryegovorov s Pryezidyentom Ryespoobliki Byelaroos' Alyeksandrom Lookashyenko [Заявление Для Прессы По Итогам Переговоров с Президентом Республики Беларусь Александром Лукашенко]'. October 11. <http://president.tj/ru/node/29267>.
- Rahmon, Emomalij. 2022g. 'Vistooplyeniye Na Zasyedanii Glav Gosoodarstv i Pravityel'stv Gosoodarstv-Chlyenov Sovyeshshaniya Po Vzaimodyeystviyoo i Myeram Dovyeriya v Azii (SVMDA) [Выступление На Заседании Глав Государств и Правительств Государств-Членов Совещания По Взаимодействию и Мерам Доверия в Азии (СВМДА)]'. Kazakhstan, October 13. <http://president.tj/ru/node/29290>.

Rahmon, Emomalij. 2022h. 'Vistooplyeniya Na Sammitye v Formatye «Tsyentral'naya Aziya + Rossiya» [Выступления На Саммите в Формате «Центральная Азия + Россия»]'. Kazakhstan, October 14. <http://president.tj/ru/node/29309>.

Rahmon, Emomalij. 2022i. 'Vistooplyeniya Na Myezhdoonarodnoy Konfyeryentsii Visokogo Oorovnya Na Tyemoo «Myezhdoonarodnoye i Ryegional'noye Sotroodnichyestvo v Oblasti Byezopasnosti Granits i Pogranichnogo Kontrolya Dlya Bor'bi s Tyerrorizmom i Pryedotvrashshyeniya Pyeryedvizhyeniya Tyerroristov» [Выступление На Международной Конференции Высокого Уровня На Тему «Международное и Региональное Сотрудничество в Области Безопасности Границ и Пограничного Контроля Для Борьбы с Терроризмом и Предотвращения Передвижения Террористов»]'. October 18. <http://president.tj/ru/node/29344>.

Rahmon, Emomalij. 2022j. 'Vistooplyeniya Na Pryess-Konfyeryentsii Poslye Pyeryegovorov s Pryem'yer-Ministrom Islamskoy Ryespoobliki Pakistan Shahbazom Sharifom [Выступление На Пресс-Конференции После Переговоров с Премьер-Министром Исламской Республики Пакистан Шахбазом Шарифом]'. Pakistan, December 14. <http://president.tj/ru/node/29779>.

Rahmon, Emomalij. 2022k. 'Poslaniye Pryezidyenta Ryespoobliki Tajikistan Oovazhayemogo Emomali Rahmona «Ob Osnovnih Napravleniyah Vnootryennyey i Vnyeshnyey Politiki Ryespoobliki» [Послание Президента Республики Таджикистан Уважаемого Эмомали Рахмона «Об Основных Направлениях Внутренней и Внешней Политики Республики»]'. Dushanbe, December 23. <http://president.tj/ru/node/29824>.

Tokayev, Kassym-Jomart. 2022a. 'Vistooplyeniya Glavi gosoodarstva Kasim-Zhomarta Tokayeva na vnyeochyeryednoy syessii Sovyeta kollyektivnoy byezopasnosti CSTO [Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ]'. January 10. <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-kemelevicha-na-vneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-1002245>.

Tokayev, Kassym-Jomart. 2022b. 'Vistooplyeniya Glavi gosoodarstva K.K. Tokayeva na zasyedanii Mazhilisa Parlamyenta Ryespoobliki Kazahstan - OoROKI «TRAGICHYeSKOGO YaNVARYa»: YeDINSTVO OBSHshYeSTVA – GARANTIYa NYeZAVISIMOSTI [Выступление Главы государства К.К. Токаева на заседании Мажилиса Парламента Республики Казахстан - УРОКИ «ТРАГИЧЕСКОГО ЯНВАРЯ»: ЕДИНСТВО ОБЩЕСТВА – ГАРАНТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ]'. Kazakhstan, January 11. <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokayeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazahstan-1104414>.

Tokayev, Kassym-Jomart. 2022c. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Kasim-Zhomarta Tokayeva na vnyeochoyeryednom HHII syezdye partii «Nur Otan» [Выступление Президента Касым-Жомарта Токаева на внеочередном XXII съезде партии «Nur Otan»]'. Kazakhstan, March 1. <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kasym-zhomarta-tokaeva-na-vneocherednom-hhii-sezde-partii-nur-otan-12144>.

Tokayev, Kassym-Jomart. 2022d. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta K.K.Tokayeva na IV Konsool'tativnoy vstryechye glav gosoodarstv Tsyentral'noy Azii [Выступление Президента К.К.Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии]'. Cholon-Ata, July 21. <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148>.

Tokayev, Kassym-Jomart. 2022e. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta Kazahstana Kasim-Zhomarta Tokayeva na zasyedanii Sovyeta glav gosoodarstv – chlyenov SCO v rasshiryennom formatye [Выступление Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева на заседании Совета глав государств – членов ШОС в расширенном формате]'. September 16. <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-kasym-zhomarta-tokaeva-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos-v-rasshirennom-formate-168294>.

Tokayev, Kassym-Jomart. 2022f. 'Vistooplyeniye Pryezidyenta K.K. Tokayeva na Obshshih dyebatah v ramkah 77-y syessii Gyenyeral'noy Assambleyi UN [Выступление Президента К.К. Токаева на Общих дебатах в рамках 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН — Официальный сайт Президента Республики Казахстан]'. September 20. <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kk-tokaeva-na-obshchih-debatah-v-ramkah-77-y-sessii-generalnoy-assamblei-oon-208226>.